

Александр Капков

ОФИЦЕРСКИЙ
РОМАНС

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Александр Капков

**Офицерский романс.
Из огня да в полымя**

«Автор»

2025

Капков А.

Офицерский романс. Из огня да в полымя / А. Капков —
«Автор», 2025

1924 год. Бывший поручик вовлечен в операцию ОГПУ по подавлению белоэмигрантских организаций, ведущих подрывную деятельность, направленную на уничтожение Советской власти. Добровольно перейдя на другую сторону, он должен действовать вместе с теми, кто раньше были его врагами, и против прежних товарищей по оружию. Но реальность окажется более сложной: ему придется противостоять и тем, кто изменил своим убеждениям не под давлением обстоятельств, а из личной корысти. В атмосфере непримиримой борьбы герой вынужден решать дилемму: как сохранить чистую совесть, когда поставленные перед ним цели требуют бескомпромиссности и жестокости, а личные связи могут привести к фатальным ошибкам. Это история о том, как память о прошлом, моральные принципы и честь выдерживают натиск сурового времени. И где-то в глубине сердца поручика остаётся огонь, который нельзя погасить, даже если мир требует от него преданности одной единственной стороне.

© Капков А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Отступник	12
Глава первая. Шкраб	13
Глава вторая. «Прошлое исчерпано, грядущее туманно»	18
Третья глава. Разговор на Лубянке	23
Глава четвертая. Куратор	28
Глава пятая. Дебютант	33
Глава шестая. «Окно»	40
Глава седьмая. Приглашение к вояжу	47
Глава восьмая. Елизавета Воронова	52
Глава девятая. Контрабандисты	57
Глава десятая. Отъезд из Москвы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Капков

Офицерский романс. Из огня да в полымя

Моему другу Владимиру Пристенскому

Труба горниста

Нас отпоет за всех живых...

В небесных списках

Нет ни своих и ни чужих.

Александр Щербина

Пролог

Крым. 1920 год

Черный дым от костра с бумагами поднимался над внутренним двором здания контрразведки. Ветер выхватывал из него отдельные тлеющие листы и кружил их по воздуху. Еще час назад дальняя канонада переместилась ближе и стала слышаться гораздо громче. Солдаты, принесшие последний ящик, опасливо прислушивались к звукам оружейной стрельбы.

– Эти можно было и не жечь, – меланхолично заметил надзиравший за костром штабс-капитан¹ Стулов своему начальнику ротмистру Нелидову, спокойно курившему папиросу, стоя у дерева рядом с забором. Тот отрицательно покачал головой.

– Пусть сторит всё, – сказал он. – Не хочу оставлять красным надежду хоть что-нибудь найти.

Солдаты опрокинули ящик. И картонные папки посыпались прямо в огонь, начиная сразу заниматься пламенем. Ящик полетел следом, а солдаты отошли к остальным. Нелидов посмотрел на свою команду: пятеро рядовых и два унтера. Это не считая офицеров.

– Уезжайте, капитан², – сказал ротмистр. – Присоединяйтесь к отступающим. Мы с поручиком вас нагоним.

Штабс-капитан молча козырнул и пошел к коновязи. За ним устремились солдаты. Когда все сели на лошадей, он скомандовал, и маленький отряд выехал со двора. За воротами дробно застучали копыта. Двор опустел. Две оставшиеся лошади беспокойно прями ушами. По двору летал пепел. Канонада усиливалась. Докурив, Нелидов подошел к костру и бросил окурки в огонь.

– Изломин! – позвал он громким голосом. – Антон! Что ты возишься? Скорее.

Но сам он не торопился. Прогулочным шагом ротмистр подошел к своему коню и взялся за уздечку, отвязывая его. По внутренней стене дома на втором этаже шла наружная галерея, ведущая к лестнице. Из окна, выходящего во двор на галерею, вылез молодой офицер в коротком черном казакине, украшенном серым каракулем, в синих узких бриджах с кожаными леями³ и в высоких хромовых сапогах. Он на ходу поймал фуражку, которой зацепился за раму, и надвинул плотнее на лоб. На погонах с одним просветом светились по три звездочки. Поручик, придерживая рукой шашку и мелодично звеня шпорами, бегом пробежал по галерее и прямо с лестницы прыгнул в седло вороного коня, привязанного к перилам.

– Докладываю, господин ротмистр! – весело прокричал он. – Везде пусто. Ключи от сейфов оставил на столе. Хотел сначала выбросить их в клозет, но подумал, что так мстить красным мелко.

Поручик огляделся и спросил, подбирая поводья:

– А где остальные? Ты что? Меня дожидался?

Его вороной нетерпеливо подергивал ногами в белых чулках.

– Не мог же я бросить подчиненного, – рассудительно ответил Нелидов. Он тоже уже сидел в седле.

– Едем, Антон! Не то в плен угодим.

– Не хотелось бы, – улыбнулся поручик, присоединяясь к Нелидову.

Настигшее белых поражение мало отразилось на его настроении. По характеру он не был склонен к меланхолии.

¹ Штабс-капитан – военный чин в русской армии, промежуточный между поручиком и капитаном.

² При неформальном общении русских офицеров приставка штаб(с) обыкновенно опускалась.

³ Лея – кожаная или замшевая вставка на внутренних сторонах галифе или бриджей. Леи чаще всего носили в кавалерии и конной артиллерии.

Проехав через открытые настежь ворота на улицу, они погнали коней рысью. И те зацокали подковами по брусчатке. Дома по обе стороны стояли с закрытыми ставнями и запертыми калитками. Вокруг не было ни души. Жители попрятались от греха, ожидая, пока одни уйдут, а другие вступят в город. Улица вела к центру города, через который шла дорога на Севастополь. Сейчас на ней было пусто. Отступающие части, очевидно, успели по ней пройти. И странно было видеть конную артиллерийскую упряжку, ехавшую в обратном направлении. Расчет ее состоял из юнкеров. Двое из них были в черных гимназических шинелях с нашитыми на них юнкерскими погонями. Командовал упряжкой офицер, сидящий верхом на чалом жеребце. Заинтересовавшись, Нелидов тронул коня шагом навстречу. Изломин держался рядом. Юные лица смотрели на них из повозки тревожными взглядами. Прапорщик, который при ближайшем рассмотрении оказался ненамного старше своих подчиненных, достал папиросную коробку и с видимым сожалением смял ее, отбросив в сторону. Когда Нелидов и Изломин поравнялись с ним, артиллерист сорванным и хриплым голосом спросил:

– Извините, господа! Нет ли у вас закурить?

Прапорщику было не больше восемнадцати лет. На лице смущенная улыбка.

Нелидов протянул ему свой подсигар. Прапорщик взял папиросу и поблагодарил.

– Вы, я вижу, двигаетесь к фронту, – сказал ротмистр, давая ему прикурить от зажигалки.

– Помилуйте, какой фронт? – юноша жадно затянулся папиросой и кашлянул. – Нет никакого фронта. И все, кто могут, бегут на юг. Наш полк прошел тут последним. Да и разве это полк? Жалкие остатки. А так, правее еще идут бои. Там отступает корпус генерала Барбовича. Он еще огрызается. Слышите? Орудия бьют.

– А вы тогда по какой причине возвращаетесь? – поинтересовался Нелидов.

– Неужели сдаваться собрались? – подхватил поручик, улыбаясь.

– Я выполняю приказ, – сухо сказал прапорщик и с осуждением посмотрел на Изломина, не принимая шутки. – Необходимо задержать наступающие красные части.

– И кто же отдал такой идиотский приказ? – теперь усмехнулся Нелидов. – Вы собираетесь сделать это с вашими силами, юноша?

– Командир полка отдал такой приказ, – твердо сказал прапорщик. – Мы должны задержать противника, пока не соберется и не уйдет санитарный обоз из госпиталя.

– Госпиталь не эвакуировали? – удивился Нелидов, скривившись.

Он хорошо представлял, что будет с ранеными, когда в город войдут красные.

– Нет, не успели. Да и заберут не всех. Тяжелораненные остаются.

– Сколько времени им нужно?

– Мне приказали ждать два часа. Если красные до этого времени не появятся, мы оставим орудие и поедем догонять свою часть.

– Приказ, конечно, все равно дурацкий, – сказал Изломин. – Но позвольте поинтересоваться, прапорщик. Почему вас так мало?

– Мы добровольцы, – ответил тот. – На одно единственно целое орудие больше и не нужно. Здесь полный артиллерийский расчет.

Нелидов повнимательнее посмотрел на юнкеров. Пока они курили и разговаривали, упряжка тоже остановилась. Все семеро были почти мальчишками. Старше юнкеров делали лишь форма и обреченность на лицах.

– Сколько у вас снарядов? – снова спросил Нелидов.

– Пятьдесят штук осколочно-фугасных. Для одного боя хватит.

Прапорщик козырнул.

– Спасибо за папиросу, господин ротмистр.

– Погодите! Где вы хотите разместиться?

– В полуверсте за городом. На пригорке. Оттуда вся местность простреливается. Но почему вы спрашиваете?

– Да вот, хотим с поручиком прогуляться туда с вами. Как добровольцы. Вы же не станете возражать?

– Нет, – растерянно протянул прапорщик.

– Отлично! Давайте знакомиться. Я ротмистр Нелидов. Это поручик Изломин.

– Прапорщик Сорокин. Простите, я не понимаю...

– Не беспокойтесь, прапорщик. Мы собираемся вам помочь и только. Командовать я вами не буду.

Сорокин помотал головой в недоумении.

– Зачем вам это? Ничего не понимаю.

– Считайте, что ротмистр сошел с ума, – сказал Изломин.

– А вы?

– Ну, я сумасшедшим стал еще раньше, после Новороссийска.

Оба развернули коней и поехали первыми.

Прапорщик посмотрел им вслед, встряхнулся и скомандовал движение.

– Ты не против, если мы слегка задержимся? – спросил Нелидов поручика.

– Совсем не против, – ответил тот. – Мог бы и не спрашивать.

Оба вели себя наедине церемонно и одновременно иронично.

– Кстати, Николая, а зачем нам сии доблестные воины? – спросил поручик.

– Как зачем? Пушку надо установить.

Когда трехдюймовку поставили на позицию и выгрузили на землю ящики со снарядами, Нелидов посмотрел на Изломина. И тот согласно кивнул. Ротмистр подошел к Сорокину.

– Знаете что? Как старший офицер, я меняю ваш приказ. Нет, нет. Мы будем защищаться.

Только ваших юнкеров следует отпустить.

– Куда отпустить? – не понял прапорщик.

– Да куда им угодно! Пусть присоединяются к обозу и отправляются в Севастополь. Или по домам. Они, как я понимаю, отсюда, из Крыма.

– Но как же присяга?

– Господь с вами, прапорщик! О чем вы? Мы проиграли и бежим. Вот и вся правда. Голая, можно сказать.

– Кто же будет с орудием?

– А мы с вами. Если вы, конечно, остаетесь. Я и поручик умеем стрелять. Приходилось.

Ну, что скажете?

– Неожиданно как-то!

– Бросьте! Лучше отправляйте побыстрее юнкеров.

– Только уж вы сами им скажите. Пожалуйста! – попросил прапорщик.

Сорокин построил расчет. Нелидов вышел и встал перед маленьким строем. Его речь была короткой и жесткой.

– Все! Расходитесь! И бегом отсюда! – так закончил ее Нелидов.

Юнкера с полминуты стояли, переминаясь и растерянно переглядываясь.

– Господин прапорщик! – позвал один из них. – Как же это?

– Так будет лучше, господа, – сказал тот. – Вам надобно возвращаться.

Мальчишки. Они стали спорить, возмущаться тем, что их лишили права умереть. И боялись признаться даже себе, что в глубине души рады этому. Всю эту канитель закончил поручик.

– Расчет, смирно! – прокричал он хорошо поставленным командирским голосом.

Строй замер.

– Слушай приказ. Немедленно покинуть позицию! Вольно! Разойдись!

Юнкера уехали на оружейной повозке, а офицеры устроились возле пушки на ящиках. Прошел час, пошел второй. А дорога перед ними была по-прежнему пуста. Да и гул справа тоже затих, перемещаясь дальше.

– Ну что? Закурим еще по одной? – предложил ротмистр.

Но не успели они взять по папиросе, как на дороге появились далекие еще красноармейцы. И конные, и пешие.

– Патрон! – напряженным голосом приказал Сорокин. (Артиллеристы называли снаряды патронами.)

Поручик взял его из ящика, поднес к орудию и вставил в казенник. Нелидов, схватившись за рукоятку, закрыл затвор. Прапорщик сам прильнул к прицелу и немного подкрутил ствол. Он произвел выстрел сам. И далеко впереди, рядом с дорогой появился разрыв. Сорокин снова подкрутил ствол. Следующий снаряд разорвался посреди пешей колонны. Красные залегли. С их стороны послышались выстрелы. Красноармейцы вели огонь из винтовок. Расстояние было большим, но все же пули завжикали над головами.

А конники, оправившись, поскакали по дороге к пушке. Третий снаряд разорвался впереди, не задев их. Четвертый – позади. И только пятый снаряд ударил в группу всадников, выбив из седел сразу троих и убив лошадь, оставшуюся лежать на дороге. Остальные тут же рассеялись и попытались скакать по полю. Но там почва оказалась вязкой. Красные конники остановились и повернули назад. В атаку пошла было пехота, развернувшись в цепь. Еще несколько разорвавшихся среди красноармейцев снарядов заставили их залечь.

Бой продолжался около часа. У контрразведчиков взмокли спины. Нелидов снял шинель, а поручик скинул с себя казакин и португеею с шашкой еще до начала стрельбы.

– Прекрасно! – возбужденно сказал прапорщик, улыбаясь закопченным лицом. – Мы сумели их задержать, господа. Теперь красные соберутся идти в обход или будут ждать свою артиллерию. Сколько осталось патронов?

– Последний в стволе, – сказал поручик, пнув пустой ящик сапогом. И добавил:

– Что? Уходим?

– Спросим командира, – сказал ротмистр. – Прапорщик, что скажете?

– Уходим, господа. Мы свою задачу выполнили. Даже не два часа прошло, а три. Да стрелять больше нечем.

Он присел у пушки, проверил прицел.

– Последний!

Трехдюймовка дернулась, и снаряд улетел. На дороге раздался взрыв. Вреда красным он не принес, но прапорщик остался доволен и не смог сдержать улыбки. Он выполнил приказ, что наполняло его гордостью. И здесь их больше ничто не удерживало.

– Жаль только бросать орудие, – совсем по-детски пожаловался он.

– Ну, милейший, сколько их уже брошено на Перекопе и будет брошено еще, – возразил Нелидов. – Вы же знаете, что главнокомандующим объявлена эвакуация. Пушки армия с собой не возьмет. На коней, господа!

Но сесть на коней они не успели. Звук летящего снаряда трудно спутать с чем-то другим.

– Ложись! – страшно закричал прапорщик.

И они попадали на землю. Взрыв пришелся ниже их позиции. Но у красных была не одна пушка. Сразу же ударил другой и третий. Один снаряд разорвался у самого орудия. Их засыпало землей. А Антона ударило обломками снарядного ящика по спине и голове. В ушах у него непрерывно звенело. Изломин повернулся и схватил Нелидова за плечо. Тот лежал почти весь засыпанный землей. Ротмистр был жив. Он помотал головой и стал подниматься. Вдвоем они откопали прапорщика, который находился ближе всех к месту взрыва. Сорокин был мертв. Осколок пробил ему голову и изуродовал лицо. Не сговариваясь, они пригнулись и побежали к лошадям, которые ржали и рвались с привязи. Прежде чем сесть в седло, Антон развязал

поводья коня прапорщика и отпустил его на волю. Он оглянулся. Сорокин лежал ничком, раскинув руки. Еще одна смерть. А сколько их будет впереди и совсем не героических?

Спустя четверть часа они вновь проезжали город. Только в этот раз в нем самом слышалась стрельба. Кто в кого стрелял? Было непонятно. Дезертиры, зеленые или грабители, решившие, что настало время пожить? Все трое пустили коней в галоп, стремясь выбраться из города, где они становились мишенями. Уже в предместье, у самого выезда, по ним вдруг открыли огонь из винтовок. Одна из пуль ударила в ствол тополя, когда они проезжали мимо. Затем Нелидов увидел, как другая пуля угодила Изломину между лопаток. Он ткнулся головой в шею вороному коню и стал медленно сползать с седла. На спине появилось кровавое пятно. Ротмистр догнал его и придержал за плечо. Поручик повернул к нему лицо.

– Кажется, меня подстрелили, Николая, – сказал он. – Глупо как! В спину, словно труса.

Что делать дальше, Нелидов решил сразу. Надо было осмотреть рану Антона и перевязать. И лучше сделать это здесь, в городе, где есть знакомый врач.

– Ты сможешь держаться в седле? – спросил он у Изломина.

Тот кивнул.

– Тогда едем.

Ротмистр взял в правую руку поводья вороного и повернул своего коня в проулок. Он вез друга к врачу, который не должен был отказать в помощи. Полгода назад врач этот едва не угодил в тенета симферопольской контрразведки. Как-то он был связан с большевистским подпольем. Нелидову оттуда прислали приказ начать слежку за доктором. Ротмистр же предупредил господина Меркулова, полагая, что отправлять в тюрьму хорошего человека и превосходного врача было бы неправильно. И в последствии он еще несколько раз помогал доктору, который, конечно, подозревался симферопольскими коллегами совсем не зря. Честно говоря, весь последний год Нелидов работал избирательно, хватая лишь тех, кто этого заслуживал. Как тех же снабженцев, спекулировавших лекарствами и выведенных им на чистую воду.

Доктор Меркулов жил в своем доме на окраине города. Кирпичные стены были увиты виноградной лозой, сейчас уже пожелтевшей. На небольшую веранду с каменной балюстрадой вели широкие ступеньки. Калитка в невысоком заборе была закрыта. Нелидов подвел своего коня к ограде и прямо с седла перескочил в сад. Залаяла собака, но из будки не вылезла. Ротмистр поднялся на веранду и кулаком в перчатке застучал в дверь. Открыли ему не сразу. Рассматривали в окно, чуть приоткрыв шторы. После этого загремел засов.

– Господин Нелидов? Вот уж не ожидал вас увидеть!

Василий Степанович Меркулов, невысокий мужчина нервного склада, с небольшой чеховской бородкой, недоуменно смотрел на него из-под очков.

– В пору именовать меня товарищем, доктор, – ответил Нелидов. – Я бы не стал вас беспокоить. Особенно сегодня, когда меняется власть. Но выхода у меня нет. Там, за оградой, мой раненый товарищ. Осмотрите его, пожалуйста!

Вдвоем они сняли ослабевшего поручика с коня. И доктор повел его в дом.

– Вы уж заведите лошадей во двор, Николай Владимирович, – попросил Меркулов. – Не надо привлекать внимание.

– Не беспокойтесь. Все устрою.

Доктор работал в городской больнице, но когда-то он практиковал и дома. Одна комната была оборудована под смотровую. Ее при нужде можно превратить и в операционную. Нелидов прошел в дом и встал в коридоре, услышав через плохо прикрытую дверь, как звякнул зонд, брошенный в металлический таз. Через некоторое время доктор вышел. Он открыл дверь плечом, на ходу вытирая руки полотенцем.

– Рана у поручика серьезная, – сказал он, без нужды поправляя очки. – Пуля прошла навывлет. И это неплохо. Но задета селезенка. Да и крови он потерял достаточно.

– Вы хотите сказать, что верхом Антон ехать не сможет? Даже пять верст до берега?

– Если вы хотите получить его холодный труп, то да. А так – нет. Тряска убьет вашего друга. Вам придется оставить поручика у меня. На первое время я его укрою. Не думайте, что я не помню добра. Вы выручили меня, и я у вас в долгу. Однако после того, как в городе появится Чека, гарантировать поручику безопасность я не смогу. Вы же и сами это понимаете, Николай Владимирович. Как только он поправится, чекисты его у меня заберут.

Нелидов слушал доктора и тер пальцами лоб. Так он делал всегда, когда нужно было подумать о чем-то очень серьезном.

– Василий Степанович, есть у меня мысль, как вам необходимо поступить. Вы ведь связаны были с подпольем. Так? Отпираться не станете? Вот и хорошо.

Он несколько минут втолковывал свой план доктору, пока тот не согласился и не пообещал все исполнить в точности.

Нелидов крепко обнял Антона на прощание. У того даже выступили слезы на глазах.

– Увидимся ли мы, Николя?

– Бог весть, Антон! Держись, друг. Умереть мы всегда успеем. Вот только торопиться не стоит.

Он пожал руку доктору и покинул его дом. Ротмистр вывел на улицу обеих лошадей, вскочил в седло и поскакал прочь, держа в поводу вороного коня. Когда красные части только входили в город, Нелидов успел из него выскочить. Путь его лежал в Севастополь. Судьба же Изломина зависела в первую очередь от умения и расторопности доктора Меркулова. А во вторую – от возможностей родного дяди Антона, занимавшего высокий пост у красных.

Часть первая. Отступник

*Родину нельзя унести с собой на подошвах сапог.
Жорж Жак Дантон*

Глава первая. Шкраб

Стук в дверь школьной библиотеки раздался не совсем вовремя. В этот момент Антон Изломин стоял на деревянной складной лестнице и выкладывал книги на самую верхнюю полку большого шкафа, под потолок. Стремянка была ветхой и шаталась даже под легким телом Антона, поэтому библиотекарь Иван Захарович, который в силу своего почтенного возраста не был способен к эквилибристическим упражнениям, поддерживал ее снизу. Стук в дверь отличался деликатностью. Обычно рвущиеся в библиотеку ученики барабанили в нее с гораздо большим нетерпением. Тем не менее через минуту стук повторился. К этому времени Антон спустился вниз. Последние три дня в библиотеке шла инвентаризация. И он был придан Ивану Захаровичу в качестве временного помощника: добросовестно таскал туда-сюда книги, ставил на форзацы лиловые печати и аккуратным почерком заполнял формуляры. Когда старик-библиотекарь, шаркая ногами в разношенных туфлях, шел к двери отрывать, Антон направился к открытому окну и присел на подоконник. Школьный двор в начале июля 1924 года был гораздо более тихим, чем на переменах во время учебного года. Сейчас с волейбольной площадки слышались лишь тугие удары по мячу и сопровождающие их возгласы ломкими мальчишескими голосами. Под самым окном библиотеки гомонили школьники первой ступени, выстроенные цепочкой и передававшие воду ведрами от уличной водоразборной колонки к клумбам с цветами. Руководила ими учительница природоведения, дама лет тридцати с хвостиком, прятавшая лицо от солнца при помощи соломенной шляпы с широкими полями. Еще Антон увидел на улице автомобиль черного цвета, блестящий на солнце. За рулем сидел шофер в гимнастерке и кожаной фуражке. Ему стало интересно. Кто же пожаловал к ним в школу? Начальство? Тогда очень высокое. Только оно имело право ездить на автомобиле. Ответ на свой невысказанный вопрос Антон получил почти сразу. Из соседнего помещения донесся знакомый голос. Он принадлежал Дмитрию Сергеевичу Столярову, младшему брату его матери. Настоящая его фамилия была Глумин, но он после революции превратил в фамилию свой партийный псевдоним. Так делали очень многие большевики, а дядя стал им еще до революции. Сейчас же он занимал ответственный пост в ОГПУ. На вежливый вопрос Ивана Захаровича он весело сказал:

– Здравствуйте! Мне нужно повидаться с Антоном Юрьевичем. Не возражаете?

– Помилуйте, отчего же? – удивился библиотекарь. – Почему я должен возражать? Мы сделаем перерыв. Беседуйте на здоровье! Можно здесь, в библиотеке, если желаете. А я вам не помешаю. Схожу пока в учительскую, чаю попью.

Иван Захарович был вежлив со всеми без исключения, но не из-за угодливости, а из-за доброжелательности и мягкого, обходительного характера.

– Спасибо, – откликнулся дядя в след библиотекаря и повернулся к идущему навстречу племяннику.

– Ну, здравствуй, Антон! Давненько мы с тобой не виделись.

Он крепко пожал Изломину руку и приобнял за плечи.

– И как протекает твоя молодая жизнь?

– Течет понемногу, – ответил Антон, невольно улыбаясь дяде. – А я гадаю. Кто это к нам пожаловал на авто с личным шофёром?

– Не личным пока, а дежурным. До персонального автомобиля еще не дослужился. Ну а ты? Все «айн, цвай, драй?» «Ахтунг, киндер⁴?» Что? Не надоело еще с детьми возиться? Давай, рассказывай.

– Да что тут рассказывать. Ты же знаешь, я немецкий с детства не очень люблю. А вот приходится его преподавать. Результаты моей педагогической деятельности тоже не очень. Ни

⁴ Один, два, три. Внимание, дети. (нем.)

оценок, ни учебников в школе сейчас нет, да и желание учить язык тоже отсутствует, несмотря на политинформации про рабочих Германии. Поэтому камрад Ганс едва ли поймёт товарища Петра, так как я сам написал шпаргалку этому Петру на итоговой работе. А дети же всегда дети, несмотря на красные галстуки и кимовские значки.

– Девчонки-то, небось, заигрывают? – Столяров хитро подмигнул, поглядев на племянника.

Достигший двадцати шести лет Антон, одетый просто: в серые льняные брюки и синюю рубашку с расстегнутым воротом и закатанными до локтей рукавами, смотрелся весьма привлекательно. Чуть выше среднего роста, с фигурой гимнаста: широкими плечами и узкими бедрами, он обладал приятным лицом с примесью южной крови. Черные вьющиеся волосы, продолговатые темно-серые глаза под узкими густыми бровями, тонкий прямой нос с едва заметной горбинкой, твердо очерченные рот и подбородок.

В кадетском корпусе, благодаря внешности, он имел прозвище Цыган.

– Скажи лучше, флиртуют и причём как взрослые, с записками и приставаниями, – вздохнул Антон. – Поверь, на уроках в восьмом и девятом классах мне приходится несладко. Однако заведующий школой считает, что у меня получается. Наверное, потому, что он большой гуманист и бывший гимназический учитель. Впрочем, кто сейчас не бывший?

В нашей стране все бывшие.

– Да тебя, брат, философствовать потянуло, – усмехнулся Дмитрий Сергеевич. – Философия нынче не в моде.

– И понятно почему. Философов-то вы извели.

Племянник произнес эти слова с легким укором. Полушутливая пикировка давно вошла у них в привычку.

– Не всех, дружище, не всех, – Дмитрий Сергеевич поднял указательный палец вверх.

– Да, забыл! Некоторых выгнали.

– А многие трудятся и приносят пользу Советскому государству, – шутливо-назидательно произнес Столяров.

Он был на редкость жизнерадостным человеком, его дядя. Антон даже не мог представить, что могло бы изменить характер Дмитрия Сергеевича Столярова. Точно таким же веселым и улыбчивым дядя Митя был на пересылке по этапу в девятьсот восьмом году, когда они с мамой пришли его проводить. А ведь дядю ждали семь лет каторги. Антону тогда было десять. Он не знал, что значит слово «социалист» и очень сильно жалел наголо обритого и одетого в серый длинный халат дядю Митю. Между ними было всего двенадцать лет разницы. В детстве и отрочестве Дмитрий Столяров был кумиром Антона. Да и как иначе? Студент технического училища, так и не окончивший курса, революционер, а попутно моряк торгового флота, охотник и артист цирка. Уже от одного перечисления этих занятий веяло романтикой. Дядя сбежал с каторги спустя два года. Вот тогда-то он и начал менять обличия и профессии, уехав за границу и путешествуя по миру. Он присылал письма под чужими именами и в них описывал свои странствия как лихие приключения. Антон читал эти письма, словно страницы авантюрного романа. И то, что его дядя, как не крути, был врагом империи, его тогда не тревожило. Незадолго перед войной дядя Митя неожиданно приехал в Москву. Покрытый темным загаром, с бородкой-эспаньолкой, курящий кубинские сигары, он тогда просто поразил воображение племянника. А еще привез с собой множество экзотических историй. И Антон слушал их, открыв рот. Потом началась война. Первая мировая или как сейчас говорят, Империалистическая. Дядя вернулся в Россию уже после Брестского мира. В то время Антон был далеко от дома. Следующий раз они встретились уже в ноябре двадцатого в Крыму. К чести дяди Мити, служившего в особом отделе Южфронта, он сделал все возможное, чтобы спасти племянника, принадлежащего к вражеской армии.

– Мне действительно надо с тобой поговорить, – посерьезнел, наконец, дядя Митя. – Дело это важное и касается тебя.

– И спешное. Раз ты среди бела дня приехал ко мне в школу.

– Да, я заходил к тебе на днях на квартиру. Хозяйка сказала, что ты раньше полуночи домой не являешься, а иногда и вовсе не ночуешь. Чудо, а не квартирант! Вот я и решил, что быстрее будет поймать тебя на работе.

– О чем будет разговор? – поинтересовался Антон.

Дядя Митя вместо ответа достал из кармана летнего френча подсигар.

– Давай-ка покурим. Где тут у вас можно?

– На балконе.

Антон повел Столярова за стеллажи, к двустворчатой двери с витражом на стеклах. Они вышли на кирпичный балкон, выполненный, как и все здание школы, в готическом стиле и с отметинами от пуль на стенах. Это осталась память о боях в октябре семнадцатого. На широких перилах лежала жестяная баночка из-под монпансье, служившая пепельницей. Дядя Митя хмыкнул, проведя рукой по выщербленным кирпичам.

– Как только витраж не зацепили.

– Целились плохо, – ответил Антон, беря папиросу «Сафо» из его дорогого серебряного подсигара.

– Не язви, – сказал дядя Митя. – Может, наоборот, хорошо.

– Может.

Антон зажег спичку и дал ему прикурить, а следом закурил сам.

Тогда среди тех немногих, кто выступил против новоявленной власти, были и кадеты из его второго корпуса. Их сводная рота занимала оборону по Яузе, как раз перед этой школой, которая раньше называлась женской гимназией. Для дяди Мити они были глупцами, отстаивавшими прогнивший старый порядок. Племянник так не считал. Но ссориться с дядей из-за этого Антону совсем не хотелось. У каждого из них была своя правда. Разница лишь в том, что Дмитрий Сергеевич мог выражать взгляды открыто, а Антон свои держал при себе.

– Так о чем ты хотел со мной говорить? – спросил он, облакачиваясь на перила и поглядывая искоса на Столярова.

Дядя Митя высок ростом и, как говорится, крепко сшит. Правильные черты его волевого, всегда тщательно выбритого лица с карими глазами, крупным носом и широким подбородком были по-своему привлекательны. Для своих лет, а ему исполнилось тридцать восемь, он достаточно моложав. Девушки до сих пор на него заглядывались. Впрочем, Дмитрий Сергеевич не был женат, отговариваясь отсутствием личного времени в связи с работой. Виделись они последнее время редко, по все тем же обстоятельствам: оба много работали.

– Слушай, Антон, – сказал дядя Митя. – Здесь, на балконе, нас никто не подслушает? Можно поговорить без свидетелей?

– Можно, если, конечно, не кричать, – сказал Антон, улыбаясь.

– А тот чудной старик?

– Ты о Иване Захаровиче? Во-первых, он не появится в библиотеке, пока ты не уйдешь. У него нюх на чекистов и неприятности. А во-вторых, я пойду закрою дверь на щеколду. На случай, если кто-то сюда забредёт.

Антон положил недокуренную папиросу в импровизированную пепельницу, вышел в дверь и скоро вернулся обратно.

– Все в полном порядке! – вытянувшись, доложил он и взял папиросу.

Но дядя Митя не спешил переходить к основной теме разговора.

– Антон, а тебя как в школе зовут ученики? В мое время, когда я учился в реальном училище, в ходу были клички. А сейчас они есть?

– Ничего не изменилось, – пожал плечами племянник. – Меня зовут Дойч. Коротко и по делу. Если использовать сокращения, которые теперь везде, то перед тобой стоит шкраб⁵ Дойч.

Дядя Митя засмеялся. Затем заметил:

– Знаешь, это лучше звучит, чем поручик Изломин. Уж поверь.

– Верю. Что мне остается?

Дмитрий Сергеевич изучающе поглядел на племянника.

– Дело, с которым я пришел, серьезное и секретное. Зная тебя хорошо, я решил предварительно переговорить вне нашего учреждения.

– Ты сам так решил или начальство приказало?

– Не груби, пожалуйста. Мое начальство, естественно, в курсе. Да, мне было поручено переговорить с тобой.

– Другими словами, дядя Митя, мной заинтересовалась Чека.

В глазах племянника зажглись дерзкие огоньки.

– Моему руководству, друг мой Антон, приглянулась твоя биография, – не принял вызова дядя.

– Не понял. Как это?

– Понимаешь, для выполнения одного важного задания потребовался бывший офицер. Причем не враг Советской власти, а друг, которому можно доверять. И с соответствующей биографией. Ты в этом смысле подходишь идеально.

– Что же это за задание такое? – удивленно спросил Антон. – И имею ли я право отказаться от твоего предложения? Если честно, я хотел бы держаться подальше от твоего ведомства, дядя. Да и что я могу?

Вопросы Антона повисли в воздухе. Дядя молча и сосредоточенно курил.

– В том-то и дело, Антон, что от подобных предложений не принято отказываться, – сказал Дмитрий Сергеевич через минуту и очень серьезным тоном.

– Ясно, хотя и не совсем. Отказ мне чем-то грозит?

– Да нет, отказаться ты как раз можешь. Как чекист обещаю, что твой отказ не будет иметь никаких отрицательных последствий. Ты как работал, так и будешь работать в своей школе, дорогой Дойч.

– А как мой дядя? Что скажешь?

– А как твой дядя, скажу так: тебе бы лучше согласиться. В моем ведомстве служат разные люди. Я не поручусь за то, что в последствии они не припомнят отказ тебе или мне. Например, для того, чтобы надавить на меня.

– Даже так? Дядя Митя! Ты не оставляешь мне выбора.

– Почему же? Оставляю! Решение принимать тебе. Или ты проявишь лояльность к Советской власти или останешься попутчиком.

Тут дядя Митя как-то невесело усмехнулся. Антон эту усмешку оценил только спустя время. Но это ничего не меняло. Дело обстояло так: он был в долгу перед дядей.

А Дмитрий Сергеевич Столяров был в долгу перед Советской властью. Круг замкнулся.

– Хорошо, я согласен, – смягчился Антон. – И что за задание я должен буду выполнить?

Дядя Митя вытащил новую папиросу.

– Я не стану говорить сейчас подробностей. Для этого тебя вызовут на Лубянку в самое ближайшее время. И учти, обо всем молчок!

Антон понимающе кивнул и придвинулся ближе.

– Итак, Иностранным отделом ОГПУ, в котором я служу, проводится секретная операция против белоэмигрантов. Тебе нужно принять в ней участие.

– И что я буду делать?

⁵ Шкраб – школьный работник.

– Ни стрелять, ни убивать тебе не придется. Просто сыграешь роль члена подставной подпольной организации. Якобы она борется против Советской власти.

– А на самом деле это ловушка?

– Именно.

– Мне придётся идти против бывших друзей и однополчан, – грустно констатировал Антон.

– Какие они тебе друзья? – загорелся дядя Митя. – Они враги, Антон! Враги нашей мирной трудовой жизни, наших успехов, наших общих радостей. Мы восстанавливаем страну, строим и создаем!

– Вы же её и разрушили, – вставил племянник с ехидством.

Дядя Митя лишь отмахнулся.

– Они хотят продолжать воевать с нами. Хорошо! Но с кем? С большевиками? Нет. С рабочими, крестьянами, их жёнами и детьми! Со всем народом! Ты же сам видишь. Большинство приняло нашу власть. налаживается нормальная жизнь! Люди только успокоились, поверили в улучшения. Разве мало они вынесли за время Гражданской? И что? Давай снова? Вспомни, сколько раз банды из недобитых врагов нападали на нас? Ты сам с ними сражался и знаешь, что они несли населению. Да и сейчас редкий месяц на границах проходит спокойно!

– Не агитируй меня, – сказал Антон. – Они бывшие друзья, а не настоящие. Я свой выбор сделал еще в двадцатом.

– Вот и молодец! Значит, жди повестки. И, пожалуйста, подстригись. Сейчас ты смахиваешь на д'Артаньяна.

– Который отправляется по вызову к кардиналу Ришелье? Я подумаю.

У самой двери библиотеки дядя Митя остановился и пожал племяннику руку на прощанье.

– Не раскисай! – сказал он своим обычным приподнятым тоном.

– Не собираюсь! – в тон ему ответил Антон.

Не успел Столяров уйти далеко, как в библиотеке появился Иван Захарович. Попив вволю чаю, он стал совсем уж благодушным и порывался помочь в переноске книг. Все время пока Антон таскал их, разговор с дядей не выходил у него из головы. Дядя Митя был прав. Выбора у него не было. И становилось ясно, что жизнь, которой он жил два последних года, так или иначе, но завершилась. Вот только к добру ли наступающие перемены или к лиху – это Бог весть. Антону оставалось только мысленно поблагодарить дядю за предупреждение. Мало ли что пришло бы ему в голову, получи он повестку в ОГПУ.

– Ну вот, Антон Юрьевич, мы и закончили, – прервал его мысли Иван Захарович. – Очистили, так сказать, Авгиевы конюшни. Теперь осталось только уничтожить списанные книги. И всё. Конец инвентаризации.

Он довольно потер руки. Антон посмотрел на несколько стопок книг на полу. Стояли себе на полках, пылились, может, даже читались, и на тебе – оказались лишними, ненужными или даже вредными. Сверху ближайшей к Антону стопки лежал один из выпусков знаменитой «Пещеры Лехтвейса» Редера. Он-то чем помешал Советской власти? Увы. По решению Наркомпроса судьба этих книг – сгореть на заднем дворе школы. Вот так и его, Антона, вытащили из шкафа и отложили в сторону. Осталось узнать, для чего. Неужто для костра?

Глава вторая. «Прошлое исчерпано, грядущее туманно»

Несмотря на молодость, Антон Изломин успел послужить в трех армиях. Начал службу в Императорской или царской, потом продолжил в Белой, а закончил в Красной. Его общий военный стаж насчитывал шесть лет, если не считать небольшого перерыва между ноябрем семнадцатого и мартом восемнадцатого. Сам Антон полагал, что боевого опыта у него больше, чем житейского. Хотя так могли считать многие из его поколения, кто прошел две войны: империалистическую и гражданскую. В мае 1922 года Изломин был уволен из РККА⁶ в запас с должности командира эскадрона. Ему предстояло приспособиться к обычной жизни, от которой успел отвыкнуть. Тогда все его имущество умещалось в вещевом мешке, а одежда состояла из одной потрепанной военной формы. Антон отправился в Москву, решив, что в городе, где он жил и учился, ему будет легче устроиться. Начинать нужно было с нуля и одному. Еще до революции его мать снимала квартиру в доходном доме на Пречистенке. Сейчас эта улица называлась Кропоткинской. Но перед тем, как новоиспеченный прапорщик Изломин отправился на Кавказский фронт, мать, вышедшая перед войной замуж, покинула Москву, уехав с мужем в Швецию.

Последние годы Антон о ней сведений не имел. Создавшееся положение было в порядке вещей. В те годы Гражданская война разлучила многие семьи. И Антон относился к разлуке с матерью философски. Еще с начала его учебы в корпусе они стали отдаляться друг от друга. Мать не приняла его желание стать военным. И последние встречи уже во время войны заканчивались одинаково: ссорами и взаимными обидами. Она неустанно напоминала ему о судьбе отца, погибшего в русско-японскую. По ее мнению, тот был виноват во всем, что с ней произошло после. В свое время их брак, то есть союз гвардейского офицера и оперной певички, только что окончившей консерваторию, считался мезальянсом⁷. Гвардейцам не полагалось жениться на актрисах. Из-за женитьбы отец Антона вынужден был перевестись из гвардии в армейский полк, расквартированный на Дальнем Востоке. Матери тоже пришлось оставить сцену, чего она отцу так и не простила. Антон родился во Владивостоке. После гибели капитана Изломина в феврале 1905 года под Мукденом мать переехала в Москву. Военная пенсия за мужа не позволяла тот достаток, к которому она привыкла. И мать снова вернулась на сцену. Но время было упущено, и она исполняла лишь второстепенные партии и роли. Однако поклонники все равно были, и между ними преуспел барон Левнгард, дипломат из шведского консульства в Москве. Он предложил ей выйти за него замуж, и мать согласилась. Перед отъездом она звала с собой Антона, соблазняя его обучением в Стокгольмском университете. Но он отказался уезжать и вместо этого по окончании корпуса поступил в Тверское кавалерийское училище. Так прервались их отношения.

Его мать, как и ее брат Дмитрий, принадлежали к мещанскому сословию. Их отец был мастером-краснодеревщиком, имевшим свою мастерскую в Клину. Ко времени рождения Антона тот был вдовцом, находившим утешение в одной работе. Умер он от испанского гриппа в девятнадцатом.

Отец же Антона происходил из потомственных дворян. Основателем его рода был француз, обосновавшийся в России еще в XVIII веке. Мать поддерживала отношения с родственниками со стороны отца. Антон в детстве часто бывал в Туле, где жил со своей семьей старший брат отца, директор реального училища, а также в усадьбе деда, отставного военного. После

⁶ Рабоче-крестьянская Красная Армия – официальное название вооруженных сил РСФСР и СССР до 1946 года.

⁷ Мезальянс -неравный брак двух людей с различным социальным положением.

революции и национализации земельной собственности дедушка и бабушка Антона переехали к сыну.

Первое время после демобилизации Антон жил у своего дяди, имевшего комнату в коммунальной квартире. Новый порядок и НЭП⁸ в силу молодости легко вошли в его жизнь, а об ужасах политики военного коммунизма он знал лишь из рассказов окружающих. Самым правильным решением, на чем настаивал Дмитрий Сергеевич, было бы поступление в университет. Знания, полученные в корпусе, позволяли успешно сдать экзамены. Но Антону никак не хотелось учиться. Он встал на биржу труда и за пару месяцев переменял целую уйму занятий, носивших временный, порой даже однодневный характер.

Однажды, уже в середине лета, Антона занесло на киностудию. Для съемок исторического фильма требовалась массовка интеллигентного вида. После тщательного осмотра выстроившихся в шеренгу соискателей, его и еще с десяток людей отвели в павильон для съемок. Антону вынесли белый мундир кавалергарда. Примерно начала девятнадцатого века, хотя события фильма относились к середине, так как упоминалась Крымская война. В павильоне снимали сцену бала. Она продолжалась всего минуты две-три, исключительно для создания фона. Так объяснила ему смешливая помощница режиссера по имени Десизара, девушка лет девятнадцати-двадцати, лихо курившая папиросы. Как сразу заподозрил Антон, это имя не было дано девушке по рождению, а взято ею уже в сознательном возрасте. Он был в курсе моды на новые имена, часть из которых представляли собой сокращения двух или даже трех слов. Поинтересовавшись, он узнал, что имя Десизара расшифровывается как «Дитя Смело Иди За Революцией». Кроме имени и любви к табаку, девушка ничем особым не отличалась: была в меру миловидной и с неплохой фигурой. Она сразу принялась кокетничать с ним. И Антон, отвыкший от женского общества, даже по началу растерялся. Тем более, что ранее он имел дело с барышнями иного типа, менее свободными и раскованными, по крайней мере, на людях. Редкие встречи с сестрами милосердия и проститутками в счет не шли. Там обоюдное решение о сближении принималось порой по одному только взгляду или слову. И этого хватало. Им всем было не до флирта.

Как выяснилось, его выбрали из-за выправки и довольно длинных волос. Он должен был стоять у стены со скучающим видом, как и другие мужчины, одетые кто во фрак, кто в мундир. Но Десизара, узнав, что он умеет танцевать, переговорила с режиссером – худым молодым человеком в очках и с густой курчавой шевелюрой. Антона заставили вальсировать, то и дело меняя ему партнерш. Как оказалось, его танцевальные навыки были высоко оценены съемочной группой, и Антона выбрали в партнеры к чернобровой красавице, играющей в фильме главную роль. По сценарию она отвергала придворную жизнь и уезжала на войну ухаживать за ранеными. Об этом ему тоже поведала Десизара.

Актриса, с которой он вальсировал под музыку Шопена, на его взгляд, мало походила на салонную аристократку. И не тем, что ей не хватало манер. Девушка была слишком живой и темпераментной. Хотя, может быть, так и полагалось в немом кино. Манеры манерами, а красота огромных черных глаз, оттеняемых длинными пушистыми ресницами, просто заворожила его. И Антон тут же превратился в ее поклонника. Звали актрису Юлия Солнцева. В перерыве между съемками она вела себя просто и не фамильярно, что выгодно отличало ее от других актрис и той же Десизары.

Потом Антон еще несколько раз участвовал в съемках. Но, к его сожалению, они были вскорости прекращены, и до экранов этот фильм так и не добрался. А вот та красавица актриса позже сыграла главные роли в фильмах «Аэлита» и «Папиросница из Моссельпрома», имев-

⁸ Новая экономическая политика большевиков, проводимая ими с 1921 года. Ее особенностью было допуск рыночных отношений в экономику.

ших большой успех у публики. И Антон не упускал случая похвастать личным знакомством с ней.

Помощница режиссера пристроила Антона и на другую картину – комедию с названием «Чудотворец», где он также участвовал в массовке и снова носил старинный офицерский мундир. Но отношения с Десизарой оказались мимолетными и завершились через полтора месяца по обоюдному согласию. Они были слишком разными и вращались в разных кругах. Но пока дружили, Антон побывал несколько раз на вечеринках советской богемы, где царили свободные нравы. В последствии приобретенный опыт сыграл ему добрую службу.

Десизара, еще до того, как они расстались, надоумила Антона попытать счастья в школе, где работала ее старшая сестра. Вроде бы там требовался учитель немецкого языка. Антон, преодолев свой скепсис, поговорил с директором и был принят сначала временно на подмену, а потом и постоянно на полую ставку. Ему понравилось работать в школе. С детьми забывались тяжелые картины боев, потери товарищей, горечь поражения и уходило долго не оставлявшее его чувство одиночества и оторванности от своей бывшей среды. Не то чтобы Антон был ярым приверженцем Белого движения, ненавидевшим большевиков и созданный ими режим. Скорее реалистом. Война проиграна. Значит, надо жить при Советской власти. Хотя особой любви к ней он также не питал. В те редкие встречи с дядей Митей они старались не затрагивать политику, вызывавшую споры. Но порой такое случалось, и не всегда победа оказывалась на стороне дяди.

Дмитрий Сергеевич Столяров, член большевистской партии с 1906 года, слишком много видел и испытал, чтобы быть фанатиком. Критически относясь ко многим негативным явлениям, проявившимся в новом обществе, он все же оставался убежденным сторонником гигантского социального эксперимента, проводимого Лениным и его последователями. Не смотря на разногласия, дядя и племянник отлично ладили между собой. Не говоря уже о том, что только заступничество дяди спасло Антона от революционного суда и скорой расправы. Если быть совсем точным, то в его спасении приняли участие три человека. Сначала это был его друг, привезший раненого Антона к доктору, который укрыв и выходил его. Затем дядя Митя, слегка подправив биографию племянника, посодействовал его вступлению в Красную армию. Полтора года комэск Изломин в составе особого пограничного кавалерийского дивизиона гонялся за басмачами в туркестанских песках, прежде чем полностью обеленный или, точнее сказать, полностью покрасневший, не был демобилизован из ее рядов. Конечно же, дядя мог устроить племянника и получше – туда, где не свистели пули и не было нужды рисковать своей жизнью. Но на такой вариант Антон бы не согласился. Он всегда был самостоятелен и отказывался от побрякушек со стороны родственника. В течение последних двух лет Дмитрий Сергеевич лишь издали наблюдал за своим племянником, надеясь, что здравый смысл не позволит тому влипнуть в неприятности и совершить глупости.

Поездка прошлым летом в Тулу окончательно убедила Антона в правильности своего выбора. Родственники, ранее извещенные Дмитрием Сергеевичем о возвращении живого и невредимого племянника, встретили его очень тепло. Дядя все также продолжал работать в школе, оставаясь ее директором. Даже пострадавший от Советской власти дед, бывший полковник Генерального штаба, спокойно смирился с потерей своего положения и искренне радовался тому, что его внук сумел освоиться при Новом порядке. Ему единственному, Антон подробно рассказал о последнем годе пребывания в Белой армии. И о том, как менялось его представление о правильности выбора в восемнадцатом году. Он и раньше видел жестокость и бескомпромиссность противоборствующих сторон и недоумевал, почему действия обеих армий становились так похожи. Сомнения усилились в феврале двадцатого года, после разгрома и отступления, постепенно превратившегося в бегство. В этом Антон был не оригинален. Многие его сослуживцы испытывали то же состояние: горечь, бессилие и неверие. Отцы-

командиры также пребывали в растерянности. Главкомандующий Деникин сложил с себя полномочия и бежал.

Может быть, находишь Антон в иных условиях, ему некогда было бы думать об этом. Но в то время он лежал в госпитале Симферополя с ранением в спину. Снаряд, разорвавшийся в десяти метрах, наградил его осколком. Сразу после операции по его удалению он был совсем слаб, и горячие споры соседей по палате не задевали его. Антон слышал лишь голоса, а смысл слов уходил куда-то. Сёстры милосердия поили его с ложки, меняли повязки, и ласковые прикосновения их пальцев составляли всё его общение с внешним миром. Когда же рана стала затягиваться, а боль отступила, он начал прислушиваться к разговорам, ведущимся в палате, к спорам по поводу военных сводок.

Красные заперли их в Крыму. С этим фактом было не поспорить. Те, кто утверждал, что у движения есть шансы на победу, оставались в подавляющем меньшинстве. Тупоголовые фанатики и легкомысленные невежды, время которых ушло. Большинство же делилось на скептиков, разуверившихся в идее, но считавших своим долгом биться до конца, и циников, полагающих, что при первой возможности надо улучшать собственное благосостояние в обстоятельствах развала и всеобщего хаоса. Все действия нового главкомандующего подвергались сомнению и критике. Особенно доставалось земельной реформе. Ее ругали за половинчатость, запоздалость и неосуществимость в настоящих условиях.

Ругали коррупцию, разъедавшую армию, и беззубые меры против неё, предпринятые бароном Врангелем. В противовес им ходили рассказы о контрразведчиках, сажавших в тюрьмы обеспеченных граждан, чтобы затем выпускать их за взятки, о снабженцах, торгующих целыми эшелонами с боеприпасами и обмундированием. Кто-то вспомнил бывшего адъютанта Май-Маевского Макарова, бежавшего в горы с шайкой дезертиров и грабящего местное население. Много говорили о генерале Слащеве. Но мнения расходились. Для одних он был героем, спасающим Крым, для других – психопат и кокаинист.

В этой атмосфере, царящей в госпитальных палатах, Антон всё чаще уходил в себя, думал о причинах поражений, неизбежности гибели и ловил себя на мысли: что же дальше? Искушение прервать цепь несчастий лично для себя с помощью револьверной пули, избавившись таким образом от физических и нравственных страданий, начинало одолевать его всё сильнее. Случайно Антон поделился своими переживаниями с соседом по палате есаулом Агаповым. Тридцатишестилетний здоровяк откровенно маялся от скуки. Правое плечо его, простреленное пулей, заживало плохо, рана гноилась. Есаул слонялся по госпиталю, усердно ухаживал за сёстрами, дулся в карты и пил спирт. В политических дискуссиях не участвовал принципиально, посылая наиболее настырных куда подальше. Он-то и обратил внимание на мрачность и молчаливость лежавшего рядом Антона.

– Эй, поручик, ты чего такой смурной? – спросил он по-свойски, садясь к нему на постель и сразу переходя на «ты». – Выкладывай. Зазноба не даёт? Так это дело поправимое.

Он пристал к Антону всерьёз. И больше для того, чтобы тот отвязался, Антон излил ему всё наболевшее, а правильной сказать, вылил на него всю накопившуюся горечь. Есаул внимательно выслушал Изломина, поглаживая чёрные с ранней проседью усы. И после его исповеди хорошенько отругал, назвав душевные метания интеллигентскими соплями и бреднями.

– Заруби себе на носу, поручик. Покончить с собой может любой дурак. Бывает в жизни и так, что самоубийство становится выходом из положения. Здесь всё зависит от цены, понимаешь? В пятнадцатом году генерал-майор Дуншаков проиграл сражение и положил два полка в Карпатах. Застрелился от позора. Как ему, людям в глаза смотреть? А у тебя что? Ньюнманюни? Тебя и так убить смогут. Излечишься и давай на фронт. Увидишь, после недели боёв все беды твои, как рукой снимет. А не снимет, так подставь грудь под красный пулемёт. Всё польза для солдатиков твоих. Им меньше вражьих пуль достанется. Бессмысленная жертва – это, брат, не жертва, а глупость. А на счёт успешности нашего дела спорить не стану. Скажу

так: я красных не люблю. Точка! Ничего особенно хорошего России они не принесли. Пусть даже победят, но победа достанется им дорого. Опять же, коли побеждают они, значит, своя правда за ними есть. Иначе народ бы их не поддержал. А жизнь, она на этом не кончается. В этом смысл, брат. Другого и не ищи.

Слова есаула продрали Антона, словно наждаком, придав мыслям другое направление. Постепенно он поправлялся как физически, так и душевно. Мысли же о самоубийстве прошли сами собой. В апреле Агапов выписался. Последнюю его ночь перед выпиской они проговорили на скамейке, подкрепляясь время от времени коньяком.

– У меня это третья война, – говорил Агапов, разминая зажившее-таки плечо. – Начинать с японской, потом германская и вот теперешняя. Три резаные раны, две колотые, да плечо простреленное. А всё воюю. И сам чёрт не брат.

Есаул заразительно засмеялся.

– Мне бабка моя нагадала, что буду воевать всю свою жизнь, до самой старости. А погибну в бою на четвертой войне. Как видишь, еще не все войны прошел. И до старости далеко, хотя усы вон седые. Я ведь поручик, потомственный казак. Прадед мой Новочеркасск строил. У деда три турецких войны за плечами. Отец. Тот вышел в офицеры, дослужился до подесаула. Определил меня в казачий кадетский корпус. Ростовское военное училище я окончил в девятьсот третьем, аккурат к войне подгадал. Крест за Ляонян имею. Батю моего в четырнадцатом убили в Восточной Пруссии. Мать осталась да сестры. Не знаю, живы ли?

Есаул погрустнел, но грусти его хватило ненадолго. Он вновь наполнил стаканы, тряхнул своим чёрным чубом.

– Ничего, брат! Глядишь, повезет мне на Дон вернуться. Поживу еще, не сразу же к стенке поставят. А война? Раз бабушка предрекла, так и будет. Поживем! И ты смотри, парень, я за тебя перед Богом поручился. Не подведи. Помни, ты не самурай какой, а русский офицер!

Последние слова Арапов выкрикнул так, что за забором залаяли проснувшиеся собаки.

В июне пришла очередь Антона покинуть госпиталь. Он был полон решимости воевать до конца, а там – как Бог пошлет. И так сложилось, что погибнуть ему время еще не пришло.

Дед выслушал внука, не перебивая, а затем сказал:

– Хороший человек этот твой есаул. Все правильно рассудил. Я ведь почти всю жизнь прожил при старом режиме, как сейчас говорят. Видел, как неповоротлива и косна наша власть. Потому и принял новую, как неизбежность. Надо жить, внучек, надо. Назло всему! Дядьку своего слушай. Возможно, он прав и другого пути нет. Ты у нас один остался, с тебя и спрос.

Из двух двоюродных братьев Антона младший, Константин, погиб на фронте в шестнадцатом, а старший, Анатолий, оказывается, призванный как военспец, служил в Красной армии с осени восемнадцатого, командовал пехотным полком и был смертельно ранен во время войны с Польшей под Львовом. Антон был для Изломиных единственным продолжателем рода. И все желали ему поскорее жениться и завести детей. Уезжая в Москву, он легко пообещал старикам скорых правнуков, а вот выполнить свое обещание смог гораздо позже, уже после смерти деда.

Третья глава. Разговор на Лубянке

С тех пор, как в дом № 2 на Лубянке, принадлежавший ранее страховому обществу «Россия», вселилась ВЧК, позднее переименованная в ОГПУ, он стал пользоваться среди москвичей дурной славой. По городу ходили слухи о расстрелах во дворе дома, издевательствах и изымательствах над узниками внутренней тюрьмы. Что из этого было правдой, а что вымыслом, проверке не подлежало. Среди тех, кто побывал внутри, одни уже не вернулись, а другие предпочитали помалкивать. В любом случае московские обыватели стали обходить здание стороной. Антон однажды напрямую спросил дядю Митю о том, что на самом деле происходит внутри. И тот лишь заметил, что всякие слухи бывают чаще преувеличены, но основа для них имеется.

– Наше ведомство создано для борьбы с врагами Советской власти. Они вряд ли могут рассчитывать на пощаду, если, разумеется, не раскаются. А честным гражданам бояться нас не надо. Мы же не черти рогатые.

– Что же, у вас и ошибок не случается? – скептически спросил Антон.

– Ошибки бывают в любом деле. Этого не избежать. И все же мы стараемся соблюдать революционную законность.

– Общие слова, – усмехнулся Антон.

– Иных я тебе не скажу.

Дмитрий Сергеевич Столяров вспомнил этот разговор, когда шел в кабинет заместителя начальника Контрразведывательного отдела Секретно-оперативного управления ОГПУ Романа Александровича Пиляра. Он достаточно хорошо знал своего племянника, чтобы полностью осознавать опасность, которой тот будет подвергаться. Нет, у Дмитрия Сергеевича не было сомнений в лояльности Антона. Или в том, что тот не сможет выполнить возлагаемое на него поручение. С виду открытый и даже кажущийся немного наивным, племянник прошел хорошую школу выживания и при необходимости мог скрывать свои истинные мысли и чувства достаточно успешно. Знал дядя Митя и то, что Антон во время своего нахождения у белых служил в Крымском кавалерийском полку и занимался полевой разведкой. Так что у него был опыт, который сейчас мог пригодиться. Боялся Дмитрий Сергеевич совсем иного. Антон не был жесток в той мере, какая требовалось от сотрудников его ведомства. Приказ, требующий нарушения его морального табу, он просто отказался бы выполнять. Как за все годы войны и смуты племянник смог сохранить в себе подобную нравственную чистоту, дядя представить себе не мог. Но факт остается фактом, даже если предпочитать его не замечать. В двадцать первом году комэкс Изломин, находясь в рейде, арестовал заведующего продовольственным отделом местного совета, который при исчислении продналога вымогал взятки, чем вызывал недовольство населения подвластных тому кишлаков. Дело вышло серьезным. Антона посадили под арест, и спасло его лишь то, что уездное Чека давно подозревало заведующего не только во взятках, но и в тайной помощи басмачам. При обыске в его доме нашли доказательства и первого, и второго. Поэтому Антона тогда выпустили из-под стражи.

Когда встал вопрос о привлечении племянника к проводимой ОГПУ операции, все эти данные были рассмотрены руководством. И утвердительное решение принял сам начальник Контрразведывательного отдела Артузов.

– Нам не нужны покорные исполнители, боящиеся ответственности, – веско сказал он. – Если этот товарищ подходит нам, мы привлечем его к работе.

Окончательный вердикт о пригодности выносил Пиляр. Это к нему должен был явиться вызванный повесткой Антон. Роман Александрович сам предложил присутствовать при этом разговоре Столярову. Пусть чувствует поддержку со стороны дяди. Значит, будет менее зажат. Сейчас, за несколько минут до появления Антона, Дмитрий Сергеевич зашел в кабинет и

поприветствовал Пиляра, поднявшегося из-за стола и пожавшего ему руку. Столяров служил в Иностранном отделе и напрямую хозяину кабинета не подчинялся, но они были хорошо знакомы и раньше сотрудничали по разным вопросам. Дмитрий Сергеевич успел заметить, что на столе Пиляра лежало личное дело его племянника.

– Ты посиди, Дмитрий, вот здесь, на диване. Пожелаешь, что сказать – не молчи. Я не хочу вести разговор с нашим соискателем формалистски. Излишняя субординация не позволит открыть нюансы поведения.

Пиляр сдул с рукава приставшую пушинку. Он был одет в серый костюм-тройку, пошитый из тонкого твида, сидевший на нем безукоризненно. В вырез жилета был виден тщательно завязанный галстук из темно-фиолетового шелка. Столяров уселся на диван, пряча улыбку. Видный чекист умел и любил хорошо одеваться. Они едва успели выкурить по папиресе, когда дверь открылась, и секретарь, молодой человек в военной форме, доложил о приходе Изломина.

– Зови, – кратко бросил Пиляр и откинулся на спинку стула.

Антон вошел без излишней робости, быстро обежал глазами кабинет и остановился ровно на середине комнаты. Дмитрий Сергеевич едва поборол смех, рвущийся изнутри. Из уважения к ведомству дяди племянник лишь тщательно причесал волосы. Длинная челка волной падала на лоб до самых бровей и округло уходила на правый висок. Волосы также лежали на ушах, закручиваясь на затылке в завитки. Совсем не по моде, но Антону шло. Хорошо еще, что племянник, демобилизовавшись, сбрил усы, не то и правда был бы похож на знаменитого гасконца. В остальном, если не считать прически, перед ними стоял скромно и аккуратно одетый молодой человек. Темно-синий короткий пиджак с комсомольским значком на лацкане, белая рубашка с расстегнутой верхней пуговичкой, те же льняные брюки и на ногах бежевые парусиновые туфли.

– Здравствуйте, – сказал он, выжидаяще глядя на хозяина кабинета.

– Здравствуйте, товарищ Изломин. Проходите и присаживайтесь.

Пиляр радушно показал Антону на стул.

– Позвольте представиться: Пиляр Роман Александрович. А Дмитрия Сергеевича вам называть не надо. Не скрою, мне хотелось составить о вас мнение с вашей же помощью. Расскажите мне о себе. Знаю, знаю! Вы много раз заполняли всяческие анкеты и писали автобиографии. Бюрократизм, увы, никуда не делся. Вы просто поведайте нам о себе в свободной форме, простыми словами, без канцеляризма. Кратко и по существу. Мне было бы интересно узнать, что вы сами считаете для себя важным. Хорошо? Тогда приступайте.

Антон пожал плечами. Этот жест означал, что если вам нужна моя биография, то, пожалуйста, я расскажу правду. На противоречиях не поймаете. Он стал говорить спокойно, даже отстраненно, позволяя себе и легкую иронию. Слушая его, Дмитрий Сергеевич был полностью удовлетворен. Мало того, что у парня хорошо подвешен язык, так еще и акценты ставит в нужных местах. Молодец, одним словом.

– Сейчас работаю в Единой трудовой школе имени Льва Толстого учителем немецкого языка. Вот, собственно, и все, – закончил свой рассказ Антон.

– Ну, кое-что Вы пропустили, – заметил, улыбаясь, Пиляр. – Обошли, так сказать, свои заслуги и награды.

Антон сделал удивленное лицо:

– Вы же сами попросили говорить о том, что считаю важным.

– Понятно, понятно, молодой человек, – веселым тоном продолжил Роман Александрович.

– И все же, объективности ради стоит заметить, что во время войны на Кавказском фронте в 1917 году Вы были награждены орденом Святой Анны четвертой степени и произведены в следующий чин. Да и во время службы у белых ваши товарищи по подполью в Крыму

тоже отзываются о Вас хорошо. Вы много сделали для их безопасности, работая в контрразведке. Это дорого стоит. Про награждение именными часами в Туркестане Вы тоже умолчали. Но это я так, к слову. Мне импонирует, что Вы не кичитесь своими заслугами. И сегодня честно трудитесь на благо нашего народа, просвещаете юное поколение. Это достойно и вызывает уважение. Но порой мало просто честно выполнять свою работу. Приходит час, когда требуется отдать все свои силы для решения важного и трудного дела. Сейчас революционная необходимость требует привлечь вас, Антон Юрьевич, в наши ряды. Вы нам нужны.

Пиляр изучающе посмотрел на Изломина.

– Я понимаю, – сказал Антон. – Что от меня требуется?

– Начнем издалека, – скупно улыбнулся Пиляр. – Вы знаете, что часть наших бывших соотечественников добровольно или под давлением обстоятельств выбрали эмиграцию. Это дело их совести. Но они не все успокоились, уgomонились, так сказать. Есть и те, кто и в изгнании продолжает клеветать и вредить, кто спит и видит, как залить Советские республики кровью. Они готовы устраивать террор и диверсии, вызвать повсеместный коллапс. В этом стремлении навредить нашему пролетарскому государству им помогают капиталистические страны, в окружении которых мы находимся. Вспомните международную конференцию в Женеве, когда Советская Россия практически оказалась в изоляции. Всё это делает современную внешнеполитическую ситуацию очень сложной. Против нас постоянно организуют заговоры и теракты. Так, в мае в Швейцарии был убит полпред Воровский, ранены два других дипломатических сотрудника. Против наших торговых представительств в ряде стран Европы совершаются провокации. И мы вынуждены принимать ответные меры. Вот в связи с одной из операций по противодействию внешним и внутренним врагам нам и потребовалась ваша помощь. Согласны ли вы ее оказать, Антон Юрьевич? Скажите нам откровенно, как на духу. Если есть сомнения, то поделитесь ими. Поверьте, здесь сидят ваши друзья, которые готовы выслушать ваши сомнения.

Антон поднялся со стула:

– Я готов оказать всю возможную помощь, товарищ Пиляр. А сомнений особых нет. Кроме одного. Боюсь, подойду ли я вам?

– Подойдете, Антон Юрьевич, подойдете! Не сомневайтесь.

Пиляр вышел из-за стола и крепко пожал Изломину руку.

– Садитесь, продолжим наш разговор. Преамбула завершилась. Переходим к вопросу по существу. Вам должно быть предельно ясно: все, что вы сейчас услышите в этом кабинете, является государственной тайной. За ее разглашение вы не просто подвергнетесь уголовной ответственности. К вам будет применена высшая мера пролетарской защиты – расстрел. Уяснили?

– Я все понял.

– Вот и отлично! Итак, Антон Юрьевич. Ранее нашими тайными врагами в Москве была создана подпольная контрреволюционная организация. Мы очень быстро вышли на ее след, раскрыли, но не стали ликвидировать, а решили сохранить под нашим контролем. Эта организация называется МОЦР, то есть «Монархическое объединение Центральной России», и она имеет связи с белой эмиграцией. Наша цель – блокировать по возможности деятельность врагов из числа белоэмигрантов, а также поползновения иностранных разведок, воздействуя на них как раз с помощью данной организации. Если говорить кратко, то часть ее членов мы перевербовали, а другие же считают, что они действительно борются против Советской власти. И потому нам приходится создавать имитацию подпольной деятельности. Вам ясно?

– Да, конечно.

Пиляр удовлетворенно кивнул.

– Такая опасная контрразведывательная игра требует крайней осторожности и продуманности действий. Руководители МОЦР должны поддерживать видимость большой и разветв-

ленной организации, обладающей большими возможностями. Иначе в чем ее ценность для наших врагов? Так вот, время от времени белоэмигрантские круги, решившие сотрудничать с МОЦР, направляют к нам своих людей. Можно назвать их проверяющими.

Были они в прошлом году. Ждем их и в этом.

Теперь поговорим о том, что будете делать лично вы. Мы введем вас в организацию. Как рядового члена. Познакомим со структурой и видами деятельности. За период адаптации Вы, Антон Юрьевич, сможете примелькаться среди членов МОЦР, стать своим. Затем военный руководитель организации, бывший генерал Потапов, сознательно участвующий в нашей игре, сделает вас своим личным порученцем. И ни у кого в МОЦР не должно возникнуть сомнений в том, что вы по праву заслужили такое высокое положение. Предположительно, к осени придет гость, от мнения которого очень многое зависит. Это бывший офицер, белогвардеец, опытный и умелый враг. Вы будете рядом с ним. И очень возможно, что он станет вас проверять. Поэтому для нас очень важно, что в вашей биографии ничего не надо прятать или менять. Вы, Антон Юрьевич, должны будете отвечать на все его вопросы правдиво. И обманывать лишь в одном: вам придется стать убежденным врагом большевизма.

– Значит, у меня должна быть своя политическая платформа? Монархическая, полагаю?

Пиляр обменялся взглядом со Столяровым и широко улыбнулся:

– Вопрос Вы, Андрей Юрьевич, задали по существу. Чувствуется хватка. Нет, далеко не все члены организации отъявленные монархисты. Однако Вам придется, если понадобится, излагать свои взгляды. Причем последовательно. Не путаясь и не противореча самому себе.

Это и будет Вашим первым заданием. Попробуйте подобрать себе так называемое кредо. Главное – будьте убедительны в этой роли. Еще вопросы?

– Пока нет.

– Хорошо, зададите их после, если понадобится. Итак, я ввел Вас в курс дела. Работать же Вы будете под руководством другого человека, товарища Демиденко. Также у Вас будет свой куратор. Он и познакомит Вас во всех нужных подробностях с МОЦР. В своих действиях Вы будете отчитываться перед ним. Ваш дядя, как Вы, наверное, поняли, тоже находится в курсе всего происходящего. И в случае чего-то экстраординарного можете обращаться к нему. Вот, пожалуй, и все. В это здание Вы больше без нужды не ходите. Не нужно привлекать к себе внимание.

– Простите, а что будет с моей работой в школе?

– Давайте сделаем так. Пока лето, Вы будете в отпуске. А после него из школы вам придется уйти. Мы устроим ваш переход на работу, которую можно будет совмещать с Вашей основной деятельностью. Кстати, когда Вы уходите в отпуск?

– Послезавтра.

– Тогда спокойно работайте. В первый же день отпуска утром отправляйтесь вот по этому адресу.

Пиляр протянул Антону листок.

– Не потеряйте его! Он будет Вашим рекомендательным письмом.

Когда Антон вышел из кабинета, Пиляр сказал:

– Я думаю, товарищ Артузов прав. Твой племянник нам подойдет. Он тот, кто нам нужен в случае необходимости отправки кого-то за границу. Сдержан и себе на уме. Но что особенно ценно: настоящая военная косточка! Без дураков. Такому просто невозможно не поверить. Дмитрий Сергеевич, ты первое время присматривай за ним со своей стороны. Помогай, если нужно. Времени-то для подготовки у нас немного, и раскочиваться некогда.

– Конечно, я буду присматривать, – согласился Столяров. – Роман Александрович, почему ты не сказал Антону, кто его куратор?

– О, я сделал так совершенно сознательно. Хотел устроить твоему племяннику сюрприз. А заодно и маленькую проверку. Дмитрий, ты, пожалуйста, молчи. Посмотрим, как они будут взаимодействовать. Хорошо?

Столяров задумчиво кивнул.

– Хорошо, посмотрим.

Может, для Антона было бы лучше, не подойди он им? Эта мысль не оставляла Дмитрия Сергеевича, даже когда он вернулся к своей работе. Чувство, что на его глазах и при его попустительстве Антон вступил на канат, натянутый над пропастью, откуда очень легко упасть, еще долго не отпускало его. И Столяров, наверное, очень удивился бы, узнай он, о чем думал его племянник, возвращаясь на трамвае в школу.

Антон висел на поручне в середине вагона, стиснутый с боков так, что не мог пошевелиться, и широко улыбался, как человек, неожиданно вспомнивший что-то смешное. Эту реакцию вызвало воспоминание, связанное с хозяином кабинета, ведшего с ним беседу. Когда-то уже давно, дядя Митя рассказал ему байку времен Гражданской войны, очень похожую на правду. Якобы однажды Пиляр вел допрос одного австрийского подданного, обвиняемого в контрреволюционной деятельности. Тот утверждал, что ни в чем не виноват и его с кем-то перепутали.

– Но ведь вы граф? – спросил Пиляр.

– Да, граф. Австрийский граф. Однако какое это имеет значение? – удивился иностранец.

– Раз вы граф, то уже враг Советской власти. В этом и состоит ваше преступление. А иностранец вы или нет, значения не имеет, – отрезал тогда Пиляр. Ирония ситуации заключалась в том, что уважаемый чекист сам был по происхождению прибалтийским бароном.

«Как же все перемешалось», – подумал Антон. – «Лучше, чем гоголь-моголь. Что ж, товарищ будущий чекист, держи хвост пистолетом!».

Глава четвертая. Куратор

Куратор Антона жил в одном из доходных домов на Машковой улице, построенных относительно недавно: в самом начале века. Он был четырехэтажным и предназначался для людей со средним достатком. Поэтому украшений на фасаде дома не наблюдалось. Но сами стены в свое время оштукатурили и покрасили. Не ремонтировался он давно, в некоторых местах штукатурка отвалилась, и был виден красный кирпич. Дом стоял вплотную к другому такому же, и задний двор у них был общий. После революции, когда все доходные дома стали собственностью государства, начался период уплотнения жильцов. Хотя квартиры в этом доме не были большими и имели, кроме кухни, по три-четыре комнаты, а на четвертом этаже и вовсе по две, тем не менее подселение прошло и здесь.

Когда солнечным июльским утром Антон подошел к дому, то смог убедиться, что парадный вход был закрыт наглухо. Очевидно, еще со времен военного коммунизма. Жильцы и их гости пользовались запасным выходом, расположенным с другой стороны дома. Поэтому Антону пришлось обойти дом справа и через открытые решетчатые ворота войти во двор. Он прошел мимо развешенных повсюду веревок с бельем, миновал угольный подвал, рядом с которым играла стайка мальчишек, и добрался до двери. Снабженная пружиной, она была всегда закрыта, но это удобство приводило к тому, что внутри было темно. Лампочка в подъезде не горела, и тусклый свет проникал лишь из полукруглого окна над парадной дверью. К сожалению, окно давно не мылось, и стекла были серыми от пыли. По лестнице Антон взбежал на последний, четвертый этаж и перевел дух, осматриваясь. На лестничную клетку выходили двери четырех двухкомнатных квартир, тогда как на других этажах дверей было по три. Нужная ему квартира под номером 12 находилась как раз на четвертом. Все это Антон узнал у дворника во дворе, угостив того папиросой. Именно благодаря общительности дворника и не получилось сюрприза, задуманного Пиларом.

– В двенадцатой подселенных нет, – по собственной инициативе поведал ему дворник. – Там одна жилища проживает. Уж не знаю, по какой-такой причине, но одна и живет. Вот так.

Теперь Антон стоял перед дверью квартиры и крутил ручку механического звонка. Ему было слышно, как внутри зазвенел колокольчик. Через минуту-полторы послышался звук открываемого замка. За дверью стояла высокая красивая девушка, на вид лет двадцати-двадцати двух.

– Здравствуйте, – сказал Антон и улыбнулся как можно шире.

– Доброе утро! – откликнулась девушка. Серьезно и без улыбки.

Она выжидающе посмотрела на него. И Антон протянул ей листок.

– Товарищ Изломин? – уточнила она.

– Собственной персоной, – галантно склонил голову Антон.

– Проходите, пожалуйста!

Хозяйка посторонилась, пропуская гостя внутрь квартиры. Повесив кепку на вешалку в прихожей, Антон проследовал за девушкой в гостиную. Комната была просторной, с тремя окнами и, как стало модно говорить, знавала лучшие дни. Старые, местами выцветшие от солнца обои, скрипящий паркет, массивный посудный шкаф с царापинами на дверцах, узкий диванчик, обитый тканью «жаккард» в китайском стиле, этажерка с книгами, круглый столик на одной ножке, кожаное вольтеровское кресло с потрескавшимся истёртым сидением. Еще у среднего окна стоял обеденный стол с двумя стульями. Все это Антон ухватил беглым взглядом, сосредоточив свое внимание на хозяйке квартиры.

Барышня из Чека больше походила на модницу-студентку, чем на представительницу грозного ведомства. Ее черные волосы были коротко подстрижены и завиты в мелкие локоны, контрастно обрамлявшие бледное белое лицо. На нем выделялись большие и глубокие, цвета

спелой вишни, глаза, безукоризненно прямой нос и строго сомкнутые, полные алые губы. Довершало ее облик светлое прямое платье с отложным воротником и низкой талией. На ногах телесного цвета чулки и узкие светло-коричневые туфли с ремешками, обвивающими тонкие щиколотки.

– Садитесь, – показала девушка рукой на кресло.

И Антон послушно устроился в нем.

Хозяйка села на диванчик напротив него и сказала:

– Давайте знакомиться. Меня зовут Елизавета Викентьевна Воронова. Я ваш куратор.

Она сделала паузу и эффектно закинула ногу за ногу, выставив на обозрение Антону открывшееся колено.

– Курите, – разрешила она, отметив, что Антон взялся было за коробку папирос, лежащих в кармане брюк, и тут же отдернул руку. – Не стесняйтесь. Пепельница на столе.

Антон раскрыл коробку и предложил Вороновой, но она отказалась. Когда он закурил, девушка сказала:

– Нам с вами предстоит работать вместе. И, конечно, я расскажу все, что необходимо, но чуть позже. А сначала давайте проясним наши будущие отношения. Про вас, Антон Юрьевич, я знаю то, что мне нужно для работы. И про происхождение, и про вашего дядю, и про ваши подвиги на фронте. А вот что вы должны знать обо мне. Это чтобы не заблуждаться на мой счет. Я из буржуазной семьи и жила в полном достатке. Потом революция. Хватила всякого по самое горло. С пятнадцати лет на улице. Нищенствовала, воровала, мошенничала. Прошла, как говорят, «Крым и рым⁹». Сытым и чистеньким не понять. Так что людей я ценю исключительно с точки зрения их полезности делу. Ваша полезность, извините, пока нулевая, а там видно будет. Фактура у вас подходящая. Думаю, справитесь.

– Спасибо!

– И еще! Вам придется забыть, что я женщина. Мы с вами будем только коллегами.

– Простите, – удивился Антон. – Я не собирался за вами ухаживать! С чего вы это взяли?

– Потому что все мужчины одинаковы. Собственники и эгоисты. Исключения только подчеркивают правило.

– Да уж, припечатали! Нечего сказать! Вы, часом, мизандрией¹⁰ не страдаете?

– Нет, не страдаю. Давайте-ка с вами договоримся отбросить все лишнее, что будет вредить нашему заданию, – продолжала она серьезным тоном. – Вам также придется привыкнуть к тому, что на людях я могу быть разной: приветливой, веселой, влюбленной, доброй, злой или вообще мегерой. Но это просто образ, фикция. Наедине у нас не будет никаких отношений, кроме деловых. Вы, верно, сейчас подумали, что не понравились мне? Так?

– Примерно.

– Вздор! У меня нет к вам никаких чувств. Это лишнее. Ненависть, любовь – все это чепуха. Чтобы взять какую-либо вещь на верхней полке шкафа, я поставлю стул. Он мне будет нужен на время. Затем я верну его на место и забуду о нем. Вам ясно, милейший Антон Юрьевич?

– Более чем, Елизавета Викентьевна. Я для вас как тот стул. Ценю вашу откровенность. Что же касается наших отношений, то я человек подневольный. Стул, так стул. И раз уж мы объяснились, давайте приступать к делу.

Воронова ничего не ответила, но в ее похожих на омуты глазах Антон заметил проблеск интереса. Теперь она тоже закурила.

– Слушайте внимательно и запоминайте. МОЦР возглавляется несколькими достаточно известными здесь и на Западе людьми. Главой организации является бывший генерал Зайонч-

⁹ Пройти Крым и рым – выражение, означающее пройти неволю и каторгу.

¹⁰ Мизандрия или мужененавистничество – предвзятое, сугубо отрицательное отношение к мужчинам.

ковский, который добровольно согласился с нами сотрудничать. Но он лишь считается таким, в суть операции не посвящен. На деле руководит Якушев Александр Александрович. Он крупный спец на транспорте. Его подпольный псевдоним Федоров. Еще вы должны знать камергера Ртищева (псевдоним Любский), влиятельного члена политсовета. Военный руководитель организации – бывший генерал Потапов. Последний в будущем станет вашим непосредственным начальником. Вы будете его порученцем.

– Да, мне говорил товарищ Пиляр.

Воронова принесла фотографические карточки и стала поочередно показывать их Антону, чтобы он запомнил, кто есть кто.

– Сама организация разветвлена и поделена на группы. Рядовые члены знают только своего командира. Я руковожу одной из таких групп и завербовала вас год назад. Лучше, чтобы у вас уже был стаж работы в подполье.

– А разве так можно? – осторожно спросил Антон.

Все, что она говорила ему, было похоже на чью-то дикую фантазию.

– Можно. Пока нового человека не проверили, он замкнут лишь на своего командира. Так как вы не служите в органах власти, то особой ценности для политсовета не представляете. Этим мы объясним, почему до сих пор вы якобы работали на низовом уровне, – втолковывала ему Елизавета. – Но сейчас засветим вас перед руководством. И когда станут утверждать вашу кандидатуру, возражений не последует.

– А меня будут утверждать? Но почему? Организация же в ваших руках.

– А как же? Надо будет утвердить. Для тех членов организации, которых используют в темную, утверждение должно быть обоснованным. Естественно, главную скрипку играет на Совете Якушев. Он в любом случае выступит на вашей стороне. Но у остальных не должно быть ни капли сомнения в правильности его выбора. В том и тонкость, что определенная часть членов организации состоит из настоящих контрреволюционеров и верит в реальность МОЦР.

– А можно узнать, сколько всего людей в организации?

– Постоянно действующих – десять. Еще столько же участвуют в деятельности время от времени.

– Не густо, – заметил Антон. – С такими силами Россию не захватить.

– Зато у нас много «бумажных душ», – усмехнулась Воронова. – Если учитывать их, то численность будет за двести человек.

– И когда же моя «премьера»?

– Через две недели. Но не волнуйтесь, все пройдет превосходно. А я постараюсь, чтобы вас заметили и до того. Кстати, товарищ Пиляр просил вас придумать, кем вы будете. Придумали?

– Придумал. Я решил стать конституционным монархистом.

– Кадетом, что ли?

– Не совсем. Я за монархию, но ограниченную конституцией. Разделение властей и прочее. По Вольтеру и Монтескье. Могу изложить подробно.

Воронова посмотрела на Антона еще внимательнее.

– Нет, спасибо! Да, удивили вы меня.

– А вы сами, простите, на какой платформе?

– Монархистка! Без всяких примесей!

– Понятно.

– И последнее, – Елизавета мрачно оглядела Антона с ног до головы. – Вам нужно подобрать гардероб.

– Что, простите?

– Надо купить вам новую одежду. Сейчас вы выглядите как какой-то комсомолец-спортсмен. Это в целом неплохо. Однако одной такой одежды вам будет недостаточно. Завтра вечером

мы посетим Театр Революции, и вам надо мне соответствовать. Не в таком же виде! Сегодня же поедем в комиссионный магазин. Там дорого, зато нет риска, что тебя обманут. И карманников тоже нет.

– Дело в том, что денег-то у меня не особо много, – несколько смущенно сказал Антон.

– Не беспокойтесь, Роман Александрович выделил на это средства. Подождите меня немного, я соберусь.

Девушка удалилась в спальню, а Антон стал рассматривать книги. На одной полке стояли Карл Маркс, Дюма, Фрейд и Майн Рид. Впечатляющий выбор для чтения. Воронова вернулась очень быстро. В руке она держала маленькую сумочку, а на голову надела шляпку модного фасона.

Выйдя из дома, они отправились на извозчике в комиссионный магазин на Остоженке, где торговали мужской одеждой. Его посещали либо партработники высокого ранга, либо нэпманы. Обычным гражданам одеваться в этом магазине было не по карману. Зато Воронова вела себя здесь как рыба в воде. Она заставила Антона перемерить, по ее мнению, все более-менее приличное. И осталась неудовлетворена. Все же ею были приобретены для Антона синий костюм из английского твида, полдюжины рубашек, галстуки, короткая куртка из шевровой кожи с металлическим замком-застежкой, летние брюки, галифе¹¹ цвета хаки и две пары обуви.

– На первое время должно хватить, – заявила она, расплачиваясь. – Что это вы такой хмурый?

– Представляю, что скажет моя хозяйка, увидев все это. Решит, что я занялся грабежом. Еще и в милицию донесет.

– Я считаю, что вам нужно переехать. Со временем продумаем, куда. А пока поживете у меня. Будете спать на диване.

– Не хочу вас стеснять, Елизавета Викентьевна, – попробовал отказаться Антон.

– Соглашайтесь. У меня в квартире есть душ и горячая вода.

– Тогда уговорили!

– Я отвезу вашу одежду к себе. А вы поезжайте на квартиру и заберите свои вещи. Причину придумайте сами. Итак, я вас жду.

Антон проводил ее, неся коробки с вещами, и позвал извозчика. Он помог Вороновой сесть в пролетку и поневоле прикоснулся к ней. От тела девушки на него повеяло тонким соблазнительным ароматом, и Антон заставил себя отстраниться.

Оставшись один, он не спеша шел по улице и прокручивал в голове последние события. В душе Антон отдавал себе отчет, что ввязался в игру, где нет правил и ограничений. Чтобы не говорил дядя Митя, если чекистам надо будет для дела, то они заставят его и стрелять, и делать что похуже. Не так уж сильно ценил Антон свой комфорт, чтобы побояться отказаться от участия, касаясь дело его одного. Но он обязательно потащил бы за собой дядю Митю. А оплатить ему черной неблагодарностью Антон не мог. Значит, оставалось одно: для вида принять условия игры, но играть по своим правилам. Причем постараться не сложить при этом голову. А еще Антон не был бы самим собой, если не заинтересовался бы своим куратором. Эта девушка привлекла его внимание удивительным сочетанием внешней женственности и внутренней суровости, даже жесткости. Да, после революции женщины сильно изменились. Они ни в чем не хотели уступать мужчинам, курили, ругались и доказывали свою самостоятельность самыми разными способами. Некоторые, особо рьяные, стали последовательницами Александры Коллонтай с ее теорией «стакана воды». Он вспомнил Десизару, отпугнувшую его своей прямолинейностью в половом вопросе. Сегодня она с тобой, завтра с другим, а послезавтра опять с тобой. И принимай это как должное. Мы, дескать, во всем равны. Но вот Воронова была

¹¹ Галифе – фасон брюк, облегающих голени и расширенных на бедрах. Русское название дано по фамилии французского генерала Гастона Галифе, введшего такие брюки для кавалеристов.

из другого теста. Этакой тонкой штучкой, отпугивающей и влекущей одновременно. Уже одно ее присутствие рядом перевешивало все возможные в будущем проблемы и неприятности.

На квартире Антон собрал свои немногочисленные пожитки и попрощался с хозяйкой, вернув ей ключи. Затем отправился к Вороновой. Она выделила место для его вещей в шкафу и положила на диван постельное белье.

– Разбирать и собирать его будете сами.

Вечером они разошлись по комнатам. И Антон только-только устроился на диване, как открылась дверь. Он поднял голову. На пороге в ночной рубашке стояла Воронова.

В руке она держала небольшой пистолет. Как показалось в темноте Антону, это был браунинг.

– Хочу предупредить вас, поручик. Я стреляю без промаха. Имейте это в виду.

– Это вы к чему? – Антон сел на постели и скрестил руки на груди. – Решили, что я пристану к вам ночью? Вот поручиком назвали. Если офицер, значит, скотина. Так по-вашему? Не бойтесь, я и в мыслях такого не держал. А потом, раз вы во мне сомневаетесь, то зачем взяли на постой?

– Взяла, потому что так лучше для дела. А предупредила на всякий случай. Не берите на свой счет. Я с любым так же поступлю.

– Тогда и вы ночью ко мне больше не вламывайтесь. Оружия у меня нет, но могу и ботинок кинуть.

– Позёр! – бросила она, уходя и хлопая на прощанье дверью.

– Бон нюи! – до того весело откликнулся Антон, пожелав спокойной ночи по-французски.

Положительно. Барышня из Чека не даст ему скучать.

Глава пятая. Дебютант

Две недели, о которых говорила Воронова, пролетели быстро. Каждый день, обычно с утра, Антон ездил в одно неприметное здание на Моховой улице, где его обучали азам конспирации, слежки и прочим премудростям разведки и контрразведки. Кое в чем Антон был сведущ не хуже обучавших его товарищей, но об этом помалкивал. Затем он выполнял поручения организации. Когда один, когда вместе с Елизаветой Антон ездил по Москве, встречался с членами МОЦР, передавал и получал какие-то свертки и материалы. Произносил пароли и стучал в двери условным стуком. Не знай он, каково настоящее положение дел, наверное, поверил бы в реальность происходящего. А так ему было немного жаль тех немногочисленных членов этой эфемерной организации, что верили в возможность свержения большевиков, притом находясь не где-то в Париже, а в самой Москве. Ему-то было ясно, что эти люди занимались самообманом. Огромная страна подчинилась новой власти, и отдельные очаги сопротивления ничего не решали. И ждать помощи от Запада означало тешить себя иллюзиями. Поэтому жалел он их не слишком.

За собственную глупость приходится отвечать.

Еще, помимо «лжеподпольной» деятельности, Воронова водила его вечерами то в театр, то на выступления поэтов и музыкантов в рабочих клубах и домах культуры. Нельзя сказать, будто до этого Антон не бывал на подобных мероприятиях. Бывал. Но не так интенсивно и не в такой интересной компании. У него была лишь одна спутница. А ему часто представлялось, что он ходит с разными девушками. Товарищ Воронова оказалась настоящим мастером перевоплощения. В клуб Елизавета одевалась так, что выглядела простой рабфакровкой. Она не только изыскалась соответственно выбранной роли, но и вела себя именно так, как нужно, чтобы ее считали рабфакровкой – девушкой из рабочего предместья, грубоватой и напористой. Идя же в ресторан, Воронова надевала умопомрачительный наряд и тут же становилась этакой девочкой-конфеткой, усладой нэпманов или совбуров. Даже ее голос менялся. В нем появлялась мягкая хрипотца, сулившая небывалое наслаждение.

– Вы в актрисы пойти не пробовали? – спросил он однажды. – У вас, Елизавета Викентьевна, несомненно, есть талант. Прямо вторая Ермолова или Книппер-Чехова. Не устаю восхищаться вами.

Воронова на комплименты никак не реагировала.

– Я служу в ОГПУ и разоблачаю врагов Советской власти! Моя работа важнее актерского ремесла!

Вот и весь ответ. И оставалось только гадать, насколько она была искренней. Отношения между ними тоже были странными. Чего греха таить? Антон нравился женщинам. И привык к этому. Обольстителем не был, но цену себе знал. С Вороновой же часто не знал, как себя вести. Скользкая. Не угадаешь: что думает и чего на самом деле хочет? Как опытная провокаторша, чекистка могла забыть закрыть дверь в ванную комнату, распахнуть невзначай халат, показывая грудь или ногу до самого бедра? Антон прекрасно понимал, что она его проверяет. Пытается выяснить: как он ведет себя в разных обстоятельствах, на что реагирует? Применяла она провокации и покруче. И так, будто мимоходом. Одним из вечеров, выходя с ней из ресторана, Антон собрался позвать извозчика и столкнулся с человеком на одной ноге, который молча стоял чуть поодаль от входа. Он выглядел изможденным. Седоватая щетина на щеках и подбородке, слезящиеся глаза, мятая грязная одежда и общая неприглядность. Видно, что пьющий и опустившийся тип. Удерживая его от падения, Изломин уловил запах водочного перегара.

– Сударь, – тихо сказал человек, используя старорежимное обращение, – окажите милость, помогите бывшему офицеру, проливавшему кровь за Отечество и потерявшему ногу в Пинских болотах.

Антон убедил не словами, а взглядом этого человека. Полный отчаяния и стыда. Изломин полез в карман, готовый отдать все свои деньги. Ему вдруг захотелось по-настоящему помочь бывшему офицеру. Антон вспомнил о своей спутнице и бросил на нее взгляд, соображая, чтобы ей сказать, мотивируя свой неожиданный уход. Воронова смотрела в их сторону напряженно и выжидательно. Наверное, так смотрят рыбаки, собираясь подсекать глупую рыбу, ухватившую наживку. Антон глянул в глаза офицеру, заметил дрожащую жилку под глазом, улыбнулся ободряюще, сунул три рубля тому в руку и, отвернувшись, шагнул к краю тротуара, призывая проезжающую мимо пролетку. Конечно, офицер был настоящий, не ряженный, выправку не подделаешь. Но вот его появление перед рестораном не выглядело случайным. Какая, впрочем, разница? Дело не в этом инвалиде-пьянице. А в том, что ему, Антону, надо быть осторожней и не выказывать свои истинные чувства.

– Пожалели? – спросила она уже после, когда они вернулись в ее квартиру. – Денег дали.

– Он инвалид.

– Пьяница он, никчемный человечиска из бывших. И ногу потерял на несправедливой войне.

Антон промолчал.

– Знаете, я вам не верю, – заявила вдруг Воронова. – Вы либо простофиля, либо хитрец.

– Вы бы определились поточнее.

– Дайте срок!

Прошло несколько дней, и Антон узнал Воронову чуть лучше. Случилось это после поэтического вечера в клубе железнодорожников. Там выступали молодые поэты из Пролеткульта. Их было четверо: трое парней и одна девушка. Необходимость появления в клубе Воронова объяснила тем, что ей и Антону будет полезно знать, чем занята рабочая молодежь и какие у нее устремления. Поэты читали свои произведения с большой экспрессией. Антону понравилась девушка. Стихи ее были со смыслом, хотя собравшаяся в клубе публика предпочла ей круглолицего, с длинным русым чубом поэта, декламирующего неровные, с необычными рифмами вирши в стиле Владимира Маяковского. Ему аплодировали больше всех. После выступления все вышли на улицу и стали расходиться в разные стороны. Группа, в которой шли и Воронова с Изломиным, постепенно уменьшалась, и вскоре они остались вдвоем. Им оставалось перейти через мост над железнодорожными путями, когда от скамейки, находящейся слева от ступенек, где слышались треньканье балалайки и мужские пьяные голоса, отделились двое и пошли навстречу. Когда расстояние между ними уменьшилось до двух метров, если мерить его нововведенной метрической системой, один из парней спросил, есть ли у них закурить. Антон, успевший раздать папиросы еще в клубе, отрицательно покачал головой. Ему стало интересно: как станут развиваться события? Он ни на миг не поверил, что это случайность. В Москве по ночам случались бандитские нападения. И хулиганы подстерегали свои жертвы на темных улицах. Даже детей-беспризорников еще не всех определили в школы-колонии. Только кому нужны такого же рабочего вида парень и девушка? Да еще так близко от центра. Недалеко вокзал, а там дежурит милиция.

– Очередная проверка.

Так решил Антон.

– Ты что? Фраер лохматый! Сказал же, гони папиросы. Живо!

– Нет у меня папирос. Кончились. Ферштейн¹²?

– Чего сказал? Ты слышал, Петька? Буржуй выискался!

Антон стоял и ждал: что будет дальше? Парень, требовавший закурить, был крупного сложения и чувствовалось, что с крепкими кулаками. Он выглядел слегка осоловелым, немало выпившим. Потухший окурочок прилип к нижней губе, короткий чубчик слипся от пота. Второй

¹² Понимаешь? (нем.)

был ниже ростом, худой и с несоразмерно длинными руками. Его вообще качало от выпитого. И он, чтобы сохранять равновесие, постоянно перебирал ногами в желтых сандалиях. Со скамейки продолжала тренькать балалайка. И в свете фонаря были видны три тени.

– Дайте-ка нам пройти, ребята, – спокойно сказал Антон.

Он еще не верил в возможность настоящей драки, считая, что все подстроено Вороновой. Тем более, что та также не проявляла тревоги и застыла рядом, засунув руки в карманы блузы навыпуск.

– Хрен с вами, проваливайте! – решил было крупный парень, махнув рукой и отступая в сторону.

Однако худой, в очередной раз пошатнувшись, вытянул руки и схватился за грудь Вороновой. Та сбросила их и, сделав шаг вперед, влепила парню оплеуху. Худого шатнуло назад, он не удержался и шлепнулся задом на асфальт.

– Ах ты, сука! – удивленно произнес крупный. – Так? Да?

Парень оттолкнул Антона и потянулся к Вороновой, схватив ее за косынку, повязанную на шее. Она дернулась, но крупный держал крепко. Все еще думая, что это очередная проверка, Антон перехватил руку парня, взявшись за запястье, и оторвал от Вороновой. С помощью подножки Изломин сбил его с ног. Парни на скамейке только того и ждали. Раздался возглас:

– Наших бьют!

Жалобно пискнула отброшенная балалайка. И все трое устремились к ним. Драка оказалась самой что ни на есть настоящей. Двое парней, не таких уж и пьяных, набросились на Изломина, а третий схватил Воронову и, несмотря на ее яростное сопротивление, потащил в кусты, растущие справа. Ей почти удалось вырваться, но тут худой ухватил ее за ноги и повалил на землю. Антону в это время тоже пришлось нелегко. Отбиваясь сразу от двух противников, он пропустил удар по уху, от которого сразу же зазвенело, и сильный пинок по ребрам. Хорошо еще, что крупный парень, вновь поднявшись на ноги и пылая от мщением, вклинился между ними, размахивая кулаками. Он попадал по своим чаще, чем по Антону, позволив тому сосредоточиться сначала на одном нападавшем слева. Изломин тремя ударами: по животу, левой в скулу и завершающим в подбородок уложил парня на асфальт почти без сознания. Правда, на Антона, к его же выгоде, смог навалиться пьяный. И все удары третьего попадали ему. Изломину надо было лишь успевать поворачивать крупного в правильную сторону. С минуту постояв в клинче¹³, Антон сбросил крупного прямо на третьего из напавших и, освободившись, несколькими точными ударами уложил обоих. Он их не жалел и бил в такие болезненные места, как горло и пах. В драке благородство следует спрятать подальше. В это время из кустов раздался пронзительный девичий визг. И Изломин бросился туда.

– Кусается, сволочь! – прорычал тот, кто сидел на животе Вороновой и пытался удерживать ее руки. Худой же обхватил ноги девушки, прижавшись к ним всем телом. Оба насильника слишком мешали один другому, чтобы справиться с сопротивляющейся Лизой, продолжавшей отчаянно вырываться. Антон отшвырнул худого, как котенка, в сторону и ударом ноги в голову сбросил второго с девушки. Добавив уже лежащему по ребрам, он повернулся и помог Вороновой подняться.

– Бежим!

Они изо всех сил устремились на мост, слыша позади матерные крики поверженных хулиганов и далекие милицейские свистки. У уличного крана умылись и привели себя в порядок. Тут-то уже в безопасности, Воронову вдруг затрясло так, что застучали зубы. И Антону пришлось обнять ее и крепко держать до тех пор, пока она не успокоилась.

¹³ Клинч – боксерский термин, обозначающий запрещенное правилами сближение соперников с целью блокирования ударов.

– Спасибо вам! – сказала она по дороге к ее дому. – Я один раз едва не пережила подобное. Давно было. Сразу вспомнилось.

– Ничего, пустяки!

– А вы молодец! Лихо с ними справились.

– Опыт, – усмехнулся Антон и пошутил. – Видите, Елизавета Викентьевна, и стул может пригодиться.

Но Воронова шутку не поддержала, а посмотрела на него серьезным взглядом и предложила:

– Давайте называть друг друга по именам. Договорились?

– Согласен. Теперь, когда мы вместе побывали в передрыге, лишнее чиновничество нам ни к чему.

Он помолчал.

– А знаете, Лиза? Я сначала подумал, что вы меня проверяете. Как тогда с инвалидом у ресторана.

– И что теперь думаете?

– Не похоже было на проверку. Суеты много. Да и нападавшие были пьяны на самом деле. Реакция у них замедленная. Трое других были потрезвее, но, похоже, не играли. Бил я их в полную силу. Может, и сломал чего кому?

– Так им и надо, – мстительно произнесла Воронова. – Сволочи пьяные!

Она помедлила и сказала:

– Вы меня извините, Антон, за проверки. Так надо было. Мы не в бирюльки играем.

С этого вечера отношения между ними стали товарищескими и доброжелательными. Однако Антон помнил, что и изменение в поведении Вороновой тоже могло быть игрой. Но тогда, сразу после нападения, она была по-настоящему испугана.

И вот наступил день, когда Изломина должны были представить руководителям МОЦР. До этого Воронова познакомила Антона с одним – Александром Александровичем Якушевым, пожилым мужчиной с обширной лысиной, занимавшим высокий пост в Наркомате внешней торговли, что позволяло ему выезжать в заграничные командировки. Это был интеллигентный человек, по старорежимному вежливый и обходительный. Но в нем присутствовала и нужная твердость, и изворотливость. Иначе как он мог длительное время водить за нос белоэмигрантские круги? Пожимая Антону руку, Якушев буквально на секунду позволил себе расслабиться. И глаза у него вдруг стали, словно у больной собаки. Затем он снова посуровел и напутствовал Изломина, как и подобает руководителю такого ранга. Но Антон понял, насколько Якушеву тяжело.

Собрание было назначено на позднее время. Как и всегда, разезжая по делам МОЦР, оба одевались скромно, чтобы не выделяться. Время приближалось к одиннадцати, когда Лиза Воронова повезла Изломина на извозчике в Марьину рощу. Там они расплатились и еще долго шли проулками к частному полутораэтажному дому. Поднялись на крыльцо. И Воронова постучала в дверь условным стуком. Их впустили. Хозяйка, миловидная полная женщина лет сорока в наброшенной на плечи серой шали, провела их в большую комнату, где за большим круглым столом, покрытым скатертью, сидели гости. Две женщины и двое мужчин играли в карты. Мужчина постарше, в рубашке-косоворотке, что-то напевал, аккомпанируя себе на гитаре. В центре стола стоял начищенный тульский самовар.

– Если что, мы празднуем день рождения моего мужа, – шепнула Антону хозяйка, назвавшись Софьей Тарасовной.

Она указала рукой на гитариста.

– Это и есть именинник. Извините, конспирация, – она виновато улыбнулась, провожая их к столу.

– Вы присядьте, – сказала Антону хозяйка. – А вас, Лиза, ждут.

Воронова прошла в заднюю комнату, где и заседал политсовет.

– Проиграла, – молодая женщина, смешав свои карты, повернулась к Антону. – Давайте знакомиться. Я – Нина, сестра хозяйки. А это Ольга, моя кузина. Она замужем. И вам не следует обращать на нее внимание. Кстати, не хотите ли сыграть?

– Антон, – представился Изломин. – Я бы с удовольствием, но боюсь, меня скоро позвуют.

– Тогда хоть чаю попейте.

– Благодарю.

Но чаю выпить ему не удалось. Воронова, выйдя из задней комнаты, молча поманила его рукой. Антон вошел в помещение, более всего напоминающее кабинет. В креслах и за письменным столом сидели четверо. Благодаря фотографиям, показанным ранее Лизой, он без труда узнал всех. Якушев первым поздоровался с ним за руку и представил остальных. Воронова кратко рассказала, чем занимался Антон в ее ячейке, и рекомендовала его политсовету, как опытного, хладнокровного и храброго человека. Больше других им заинтересовался Стауниц. Крепкий и ладный, лет тридцати с небольшим, одетый со вкусом, он занимался коммерцией. В прошлом Изломину об этом сказала Воронова. Стауниц был офицером и белогвардейцем. И одним из тех, кого вроде бы использовали в темную. Он задал Антону несколько вопросов и заметил, что такие бывалые молодые люди им нужны. Изломин постарался держаться этаким бравым молодцем и на все вопросы отвечал коротко и четко. В целом его кандидатура в порученцы при Потапове ни у кого из политсовета отвода не вызвала. Это было предсказуемо.

– Антон Юрьевич, – обратился к нему Якушев. – Обстоятельства требуют вашего скорого участия в работе нашей организации на одном из важнейших направлений. Вы будете отвечать за переход через окно на границе с Эстонией. Мы ждем важного гостя с той стороны.

– Когда он приедет? Уже известно? – спросил Стауниц.

– Нет, – отвечал Якушев. – Но нас заверили. Мы узнаем о его приезде заблаговременно.

– И интересно бы выяснить: зачем он едет? – сердито сказал бывший камергер Ртищев, строгий старик с кустистыми бровями и окладистой седой бородой.

– С той стороны темнят, – задумчиво произнес Якушев.

– Не удивлюсь, если «гость» перейдет границу самостоятельно и объявится уже в Москве,

вставил Стауниц. – Такое уже было с «племянниками».

– Сколько же можно нас проверять? – возмутился Ртищев, яростно теребя свою бороду.

– Мы только и делаем, что предоставляем отчеты. Бюрократы!

– Ничего, – успокаивающе похлопал его по руке Якушев. – Я полагаю, что гость выйдет на нас обязательно. Нашим партнерам за границей все одно придется договариваться с нами, если они хотят вернуться в Россию. Однако нужно отпустить молодого человека. Итак, господин Изломин, готовьтесь к поездке. О времени вас известят через Воронову. Она же свяжет вас с нашими людьми на месте.

– Нужна будет помощь, телефонируйте по этому номеру.

Стауниц вручил ему маленький листок бумаги.

– Честь имею, господа, – вежливо откланялся Изломин.

Когда они шли обратно, Антон спросил Воронову:

– А кто такие «племянники»?

– Есть одна парочка оттуда, – недовольно сказала Лиза. – Муж еще ничего, вменяемый.

А жена – экзальтированная истеричка. Специалистка по террорам. Спит с револьвером.

А вам-то зачем?

– Так. Просто интересно.

– Странные у вас, Антон, интересы. Или на другую сторону потянуло?

– Нет. Не потянуло. Но я считаю, что мне либо доверяют, либо нет.

– Скажите, пожалуйста, какие мы гордые! Доверие заслужить надо.

– Я, между прочим, и в Красной армии воевал. На вашей стороне.
– Кто раз переметнулся...
– Понятно. У вас, знаю, Библия не в почете. Но все же напомним: «Еще петух не прокукарекает. Как ты, Петр, трижды от меня отречешься...».

Так они дразнили друг друга, пока не выбрались из переулков на улицу.

– Домой? – спросил Антон, собираясь остановить извозчика.

– Нет. Поедем немного развеемся.

– В это время? – он посмотрел на наручные часы. – Без семи минут двенадцать. Поздно уже. Я устал, как собака. И выспаться хотел. Может быть, в следующий раз?

– Отказывать женщине?

Воронова широко раскрыла свои и без того огромные глаза.

– Где же ваше былое гусарство, господин поручик? Вы ведь из гусар, я ничего не путаю?

– Нет, гусаром я не был. Начинал службу в Первом Сибирском казачьем полку.

– Почему тогда вы, поручик? Это же не казачий чин.

– Я был сначала прапорщиком, потом корнетом и считался временно прикомандированным к полку. Поэтому и чин носил обычный – кавалерийский. А поручиком я стал в девятнадцатом, уже у Деникина.

– Спасибо за разъяснения.

Вывернувший из-за угла лихач оказался свободным.

Воронова села в пролетку и назвала адрес.

– Увидите, вам понравится. И совсем недалеко от моей квартиры.

Они вышли из пролетки у обычного трехэтажного дома. Большинство его окон были темными. Воронова указала на свет, пробивающийся из полуподвального помещения.

– Туда.

Это было маленькое питейное заведение. Несколько деревянных столов с немногочисленными посетителями. За стойкой вертлявая разбитная девица. В углу на стуле сидел печальный мужичок с баяном. Он играл и тихо напевал песню про Красную Армию и черного барона. Они уселись за стол рядом со стойкой.

– Что будем пить, граждане-товарищи? – спросила весело девица.

– Чекушку водки и чего-нибудь закусить, – попросила Воронова.

– «Комсомольца»¹⁴, значит!

Постановлением Совнаркома в январе этого года разрешили производить и продавать водку крепостью в 30 градусов. Прозванная «рыковкой» по фамилии председателя Совнаркома, она очень быстро появилась на прилавках магазинов и заведений общепита. Паренек, разносивший спиртное и закуску, поставил на их стол маленький графинчик, две стопки и тарелку с тонко нарезанным салом и четырьмя кусочками черного ржаного хлеба.

– За что пьем? – спросил Антон, разливая водку по стопкам.

– За вступление в организацию.

Они стукнулись стопками и выпили. Водка была теплой и с сильным сивушным запахом. Закусили салом с хлебом. Антон разлил из графина остатки.

– Теперь за ваш выход из операции. Пусть он будет успешным.

Выпив, доели закуску и закурили. Баянист тем временем совсем затих. Девица закричала на него. И он ушел, понуро опустив голову. Антон почувствовал, как к его колену прижалось под столом колено Вороновой. Он посмотрел на нее. Она не опустила взгляд. По полным губам скользнула улыбка. Антон отодвинул ногу и встал из-за стола.

– Пойдем?

¹⁴ В народе была своя градация водочной тары: 100 грамм – «пионер», 250 – «комсомолец», 500 – «партиец».

Всю дорогу до дома они молчали. Антон курил. А Воронова, обняв руками плечи, словно от холода, хотя на улице было тепло думала о чем-то своем.

Глава шестая. «Окно»

Антон стоял под деревом, стараясь укрыться от дождя, который шёл, не переставая, с самого вечера. Раскинувшиеся над ним ветви лишь немного сдерживали барабанившие по листьям капли. Одна тонкая струйка стекла прямо за воротник, заставив поежиться. Окружающая ночная темь и шум дождя скрадывали любые звуки и делали невидимыми движения. Поэтому Антону пришлось опустить капюшон дождевика, чтобы хоть как-то контролировать пространство вокруг себя. Сзади треснул сучок под чьей-то ногой. И он, резко повернувшись, наставил на темную фигуру свой наган.

– Кто тут?

– Тихо-тихо. Это я, Семён, – негромко ответила фигура. – Нервный ты больно, товарищ Изломин. Сразу за револьвер хватаешься. Так и выстрелить недолго.

– А ты не подкрадывайся сзади.

Антон спрятал оружие обратно во внутренний карман.

– Я тебя с этой стороны не ждал.

– Да я чутка в сторону дал и мимо проскочил. Темень же, хоть глаз коли.

– Ну что? – спросил Антон.

– Всё путём. Проход мы открыли. Как гость появится, ребята подадут сигнал. И я его встречу.

– Если он придёт, – снова проворчал Антон. – Вторую ночь ждём.

– Придёт. Куда денется, – уверенно проговорил Семён и поежился. – Самая шпионская погода. Явится, как пить дать.

Словно в ответ на его слова со стороны границы дважды мигнул желтым светом фонарь.

– Сигнал! Ну, я пошёл. Жди здесь. Скоро приведу твоего гостя.

Семён скрылся среди деревьев и словно пропал. А Антон остался стоять под деревом, слушая нескончаемый дождь.

Сюда, на советско-эстонскую границу в Псковской губернии, он приехал два дня назад, в начале августа. Приехал один, без Вороновой. Первая его самостоятельная командировка. В Москве Антона снабдили удостоверением, дававшим право на ношение оружия. И, само собой, он прослушал подробный инструктаж. Его проводила Воронова в присутствии Якушева, который добавил от себя несколько указаний. Прощаясь, Лиза пожала руку и пожелала удачи. Она стояла так близко от Антона, что ему захотелось ее поцеловать. Почему-то ему показалось: она не стала бы возражать. Лиза что-то почувствовала. Женская интуиция в таких случаях обычно не подводит. И она подозрительно посмотрела на него. Он выдержал ее испытующий взгляд и сказал, отпуская руку и улыбаясь:

– До свидания, товарищ!

Ничего не ответив, Лиза отвернулась и пошла прочь, в сторону вокзала, опустив голову, словно обиделась. Антон любовался ее фигурой, пока она не скрылась в дверях, и зашел в вагон.

В Пскове Изломина встречал сотрудник местного отделения ОГПУ, который отвечал за «окно» на границе. Высокий парень, двумя-тремя годами старше Антона, одетый в пиджак с косовороткой и в брюки, заправленные в сапоги. На голове у него была кепка-восьмиклинка, и из-под нее выглядывал чуб с ранней сединой.

– Кто тут товарищ Изломин? – спросил он, заглядывая в вагон.

Антон приветственно махнул рукой.

– Семен, – представился он, опуская фамилию и должность. – Давай по-свойски, без старорежимных штучек.

– Давай, – согласился Изломин. – Я Антон.

- Как там Москва? Я в прошлом году учился у вас на курсах три месяца. Красота!
- Стоит Москва. Чего ей сделается?
- Куда махнём? Сразу в управление, или сначала порубаем чего-нибудь в столовке? – спросил Семен, пока они шли по перрону. – Есть тут одна неподалеку.
- В управление не поеду. Не надо мне там мелькать. Давай лучше в столовую, а то и правда есть хочется. А уж потом на границу. Гость оттуда должен прибыть сегодня ночью. Там знают?
- Не бойсь! Всё приготовлено.
- Уже в автомобиле, трясаясь на грунтовой дороге, они обговорили, как будут возвращаться в город вместе с гостем.
- Проще всего было бы на авто, – заметил Семен. – Только как объяснить наши возможности?
- Не будем ничего объяснять. И автомобиль использовать не будем. Через границу ты переведешь «гостя» как младший командир погранзаставы. Это ясно и понятно. А вот откуда у тебя право распоряжаться автомобилем?
- А если сказать, что у тебя связи в губернском ГПУ? Тем более, что это так и есть.
- Семен подмигнул. Но Антон покачал головой.
- Чека для белоэмигрантов – как красная тряпка для быка. Если «гостя» направляют сюда, значит, он не лыком шит, может что-то заподозрить. А нам нужно, чтобы он поверил. Понимаешь?
- И что предлагаешь?
- Лучше всего ехать на крестьянской телеге. Сможешь организовать нам подводу?
- Так у нашего лесника есть лошадь. Он и довезет. Но ведь тут особый режим. Вас будут проверять, и не раз.
- Поэтому тебе, товарищ Семен, придется сопровождать нас до города. Это будет как раз очень правдоподобно. Твоя пограничная форма и послужит нам пропуском.
- Семен сдвинул свою демократическую кепку на лоб и яростно почесал затылок.
- Ясное дело. Ты прав. Да, очень не хочется с живым беляком рядышком сидеть. Вдруг он спросит: отчего я ему помогаю? У меня ведь мое происхождение на лице написано.
- Не страшно. Ты только ничего из себя не изображай. Спросит? Ответишь, что у тебя есть свои резоны.
- Точно! Скажу ему, что у меня брат в Кронштадте погиб.
- Он и правда погиб?
- Правда! Но на льду. При штурме.
- Ладно. А больше сурово молчи и супь брови.
- Сурово. Это можно, – усмехнулся Семен.
- Автомобиль привез их к лесу, который тянулся почти до самой границы.
- Дальше пешком, – пояснил Семен.
- А шоферу приказал возвращаться в Псков.
- Мы остановимся у лесника. Он мужик проверенный.
- Семен мог бы этого и не говорить. Ясно, что в таком месте не станут держать человека с сомнительной для чекистов репутацией. Пройдя с версту заросшей травой дорогой, они вышли к дому лесника, где им предстояло дожидаться ночи. Мимо низкого забора, из-за которого на дорогу свисали кусты сирени, малины и крыжовника, они через полуоткрытые ворота вошли во двор. Большой дом с мезонином был старым и слегка обветшал. Видывал виды и сам лесник, высокий и худой мужчина лет пятидесяти с давно не бритыми щеками. Встретив их на крыльце, он быстро окинул Антона оценивающим взглядом.
- Здорово, Матвеич! – сказал ему Семен. – Принимай гостей.
- Здравствуй, Сема! А кто это с тобой?

- Знакомься. Это товарищ Антон.
- Ишь какой! На цыгана похож.
- Свой он, свой. Приютишь нас на время?
- Как не приютить.

Рукопожатие у лесника было крепким. Прямо медвежьим.

- Только у нас ещё третий приятель скоро появится.
- Места всем хватит. Милости прошу в дом. Надолго вы?
- День. Может, два. Как дело пойдёт.
- Заодно и поохотитесь.
- А есть на кого?
- А как же. И кабанчики имеются, и волки.

Изнутри дом был не ухожен. В глаза бросались дрова, в беспорядке сброшенные возле печи, паутина в углах. Узкая по виду шаткая лестничка, приставленная к стене, вела на чердак. Две двери вели в маленькие комнатки, одна из которых предназначалась им. По стенам, обшитым досками, висели звериные шкуры и развешены ружья. Похоже, у лесника был богатый арсенал: две тульские двустволки, льежская вертикалка, винтовка Маузера и кавалерийский карабин Мосина. Лесник сразу же обратил внимание на заинтересованность гостя его оружием.

- Охотник? – спросил он, подходя.
- Скорее стрелок. Люблю хорошее оружие.
- И что бы ты выбрал? – вклинился в разговор Семен.

– Смотря для чего, – обстоятельно сказал Антон. – На охоту взял бы бельгийку. Бой у неё точный и надёжный. А калибр такой, что хоть на медведя иди. Ну а в бой лучше брать Маузер. Прежде всего из-за его скорострельности.

Семен снял со стены вертикалку и попытался ее раскрыть, но у него ничего не вышло.

– Дай-ка сюда, – протянул руку Антон. – Видно, что ты не охотишься. Она открывается вправо, надо только повернуть вот здесь, против часовой стрелки.

- Ты же говорил, что тоже не охотник.
- У меня дед охотой увлекался. Про ружья всё знал. Ну, и мне рассказывал.
- Стрелять-то мы тоже обучены, – проворчал Семен. – Посмотреть ещё надо, чья возьмёт.
- А вы силами померьтесь, – предложил лесник. – У меня тут стреляй, не хочу.
- Давай! – загорелся Семен. – Проверим?
- Проверим, – согласился Антон.
- Из чего стрелять будете? – деловито спросил лесник.
- Пусть будет «мосинка». Стрелять будем стоя. Согласен?

Антон кивнул.

- Добро, – лесник снял карабин со стены.

Состязание решили проводить за двором. Семен установил на бревне стоймя мишени – маленькие по размеру березовые чурки. Всего десять, учитывая, что в обойме карабина пять патронов. Отошли к сараю, отстоящего от мишеней шагов на сто.

Лесник, не скрывая усмешки, наблюдал за нашими приготовлениями.

- Кто стреляет первым?
- Всё равно, – сказал Антон.
- Тогда я.

Семен взял карабин, сноровисто зарядил в него обойму и вскинул к плечу. Выстрелы прогрехотали один за другим. На перезарядку он тратил секунды и почти не целился. Из его пяти чурок четыре были сбиты с бревна. И лишь в одну он не попал.

- Молодец! – одобрил его стрельбу лесник.

Теперь оба с интересом ждали выступления Антона. Тот принял карабин у Семена, сменил обойму и вскинул его к плечу. Последний раз Антон держал карабин почти четыре года

назад, а для меткой стрельбы требуется постоянная тренировка. В корпусе он не раз получал призы за меткость. Но то время давно прошло. Поэтому, в отличие от чекиста, Антон целился аккуратно, спускал курок и перезаряжал не торопясь. И попал во все свои мишени.

– Да-а-а, – протянул Семен, – неплохо ты стреляешь. Общегоолял меня. А ведь я лучшим был на курсах.

– Сделал тебя товарищ Антон, – подковырнул его лесник, забирая карабин.

– Я, между прочим, больше с пистолетом дело имею.

– А хвалился чего?

– Тогда уж и на пистолетах давай сразимся.

Семен сунул руку за спину, под кожанку и вынул свое оружие, заставив Антона удивленно присвистнуть. У чекиста в руке был девятимиллиметровый браунинг. Надёжная машинка с превосходным боем и кучностью, да еще с мощным патроном.

– Хорошая вещь! – похвалил Антон. – Неужели в вашем управлении такие выдают?

– Награда! – гордо сказал Семен. – На польском фронте получил. Я ведь всю Гражданскую протрубил. Смотри.

Он протянул пистолет Антону. На рукояти было выгравировано: «Комроты тов. Комарову от комбрига А.Г. Прутиса. 1920 г.»

Семён вынул из кармана спичечный коробок и потряс его. Затем открыл и вытащил две последние спички.

– Продолжим?

– Хочешь реванша? Давай!

Семён поставил пустой коробок на бревно и отмерил тридцать шагов.

– Каждому по три выстрела, – уточнил чекист. – Побеждает тот, кто меньше истратит патронов.

– Азартный ты парень. Жаль, я свой наган не пристрелял.

– Так бей из моего. Мушку под мишень, в центр и вперёд. Хочешь?

– Ещё бы!

Теперь первым стрелял Антон. Браунинг был тяжелее нагана, но уж очень ему хотелось испробовать пистолет. Первый раз он промахнулся. И попал в коробок со второго выстрела.

Семён радостно засмеялся.

– Мажешь, брат, мажешь.

Когда Антон снова поставил коробок уже с дыркой на бревно и отошёл в сторону, Семён картинно вскинул руку с браунингом и первым же выстрелом сбил мишень.

– Bravo!

– А то! Знай наших. Я, между прочим, каждый день по утрам чугунный утюг в вытянутой руке держу.

– Ну, ты совсем как Пушкин. Тот тоже трость носил. Тяжелую, с залитой свинцом рукоятью. Только ему это не помогло.

– Пушкин? Это который? – заинтересовался чекист.

– Русский поэт жил в XIX веке. Друг декабриста Пушина.

– Про декабристов слышал. Они против царя поднялись, да не осилили. А откуда ты все знаешь?

На лице Семёна проступило простодушное выражение восхищения, перед ему пока недоступным знанием.

– Много в детстве читал.

– Ты, Антон, не обижайся. Спросить хочу. Ты взаправду офицер? Или как?

– Что, не похож? – усмехнулся Изломин.

– На беляка не очень. Скорее на актера, каких в фильмах снимают.

– Так это сейчас. А когда станет надо, увидишь. Буду вылитый беляк, – пообещал Антон.

Оставив Изломина в доме, Семён отправился на заставу и вернулся уже вечером в ладно сидящей на нём военной форме. С двумя треугольниками на рукаве.

– Я встречу его на границе и приведу сюда. Лады? – предложил он.

– Нет. Давай-ка я лучше пройду с тобой и подожду неподалёку. Так сказать, проявим к нему уважение. И тебе не надо будет много с ним разговаривать.

– Ну, тогда через два часа можно выходить.

Но эту ночь они прождали напрасно. «Гость» не пришёл. Следующий день отсыпались и вечером снова ушли к границе.

И вот теперь, кажется, дождался. Антону показалось, что он стоит под деревом уже больше часа. Даже дождь утомился и лишь чуть моросил. Он отвернул рукав дождевика и посмотрел на циферблат часов с фосфорическими стрелками. Нет, он все же ошибся. Прошло сорок восемь минут. Но вот он различил две движущиеся темные фигуры и неяркий свет фонарика. Антон отделился от дерева и пошел им навстречу.

– Ну вот и встречающий вас человек из центра, – тихо сказал Семен.

Антон протянул руку гостю и негромко поздоровался:

– Здравствуйте! С приездом. Моя фамилия Изломин, в прошлом поручик.

– Добрый вечер! – услышал он баритон гостя. – Щеглов. Подполковник.

– С благополучным прибытием в Россию!

– Благодарю! По правде сказать, не ожидал столь теплого приема. Думал, что будут трудности при переходе границы. Но нет, все прошло гладко.

– Граница у нас на замке. Для всех, кроме своих. Правда, Семен?

– А то! Ну ладно, я пойду обратно. Верну посты. А вы – к Матвейчу. У него и встретимся.

Семен, подсвечивая фонариком, удалился в сторону границы. А Изломин повел гостя к дому лесника. Пока шли по узкой просеке, дождь закончился. И луна выглянула из-за туч. Так, что идти стало легко. Плащ-дождевик скрадывал фигуру гостя. Шёл он чуть согнувшись, чтобы смотреть под ноги. Лицо закрывал капюшон. Виден был лишь кончик крупного носа.

– Как прошло ваше путешествие? – спросил Антон.

– Превосходно! Пожалуй, только в Эстонии, на самой границе возникли небольшие проблемы. Они нам помогают, а сами боятся. Не дай Бог, восстановится Российская империя.

В его голосе почувствовалась горечь.

– А вам как здесь живется? – задал он свой вопрос. Не очень и оригинальный.

– Понемногу. Жить можно везде, – сдержанно ответил Антон.

– Тут вы правы. Там тоже не сахар.

Минут пять они шли молча вдоль просеки.

– Долго ещё? – спросил Щеглов.

– Уже пришли.

Антон показал рукой на виднеющийся между деревьев на фоне ночного неба треугольник крыши.

– Нам сюда.

– Постойте, – Щеглов взял его за рукав. – Вы уверены в надёжности ваших людей?

– Уверен. Не беспокойтесь. Наш канал здесь отлажен. Все люди проверены.

– И этот ваш, как его, Семен, кажется? По-моему, он красный со всех сторон. Я, простите, таких за версту чую.

– Напрасно вы так. Семен – преданный нам человек. Он тоже пострадал от большевиков. Конечно, не монархист, а скорее анархист. Но нашему делу борьбы с пролетарской диктатурой весьма полезен.

Антон постучал в окно условным стуком. Лесник открыл нам дверь.

– Встретили? – спросил он. И, увидев гостя, перекрестился. – Слава Богу!

Он чуть подобострастно вытянулся перед Щегловым и бросился помогать раздеться. Под дождевиком у того оказался коричневый френч, такого же цвета брюки, заправленные в хромовые сапоги. Он оказался поджарым и мускулистым мужчиной лет под сорок, коротко стриженным, с чисто выбритым лицом и умными, глубоко посаженными глазами.

– Я вижу, вы меня очень пристально изучаете, – заметил он с легкой улыбкой. – Что-то не так?

– Я смотрю, как вы одеты. Нам нужно проезжать через посты, чтобы миновать приграничную зону.

– И как? Подойдет мой наряд?

– Безусловно. Сойдете за уездного заготовителя.

– Я знал, куда еду. Вот и приготовился. И что дальше, господа?

– Подождем Семена. Решим, каким маршрутом пойдем. Переночуем мы здесь, а завтра поедем.

– А пока, может быть, чаю? Самовар горячий. Вас дождался!

Лесник показал на стол, где стоял самовар.

– С удовольствием! – хрустнул пальцами Щеглов. – Только сначала надо бы чего покрепче. Я немного продрог там, в лесу, пока ждал перехода.

– Отчего же нет? У меня настойка припасена, рябиновая на самогоне. Сам произвел. Сей минут принесу.

Иван Матвеевич шустро побежал в сени. Щеглов прошёл к столу и сел лицом к двери. Антон устроился с другой стороны.

– Давайте знакомиться ближе, – предложил гость. Меня зовут Павел Михайлович.

– Антон Юрьевич.

Вернулся лесник. Он быстро и сноровисто стал накрывать стол. Поставил миску с солёными груздями, копчёное сало на деревянной доске и водрузил бутылку зеленого стекла.

Щеглов вынул из кармана френча плоскую фляжку, обтянутую черной кожей.

– Арманьяк! – сказал он, улыбаясь. Из самой Франции вёз. Загадал: доберусь благополучно, выпью на родной земле.

Лесник принес два граненых стакана.

– А себе? – удивился гость.

Матвейч аж замахал руками:

– Я свое отпил. Здоровьечко не позволяет. Извиняйте.

Щеглов пожал плечами и налил из фляжки в стаканы, наполнив их на треть.

– Приходилось вам пить арманьяк? – спросил он.

– Нет, только коньяк.

– Арманьяк – это немного другой напиток. Этому же больше двадцати лет. Не спешите пить, погрейте в руках. От этого вкус становится богаче, лучше раскрывается букет. В Лангедоке есть легенда. В Средние века юноши, идя на свидание, набирали в рот арманьяка, а глотали уже при встрече, и дыхание их становилось приятным.

Он подержал свой стакан, слегка покачивая его, затем пригубил и выдохнул с наслаждением.

– Ах, прелесть какая!

Антон последовал его примеру и был искренне удивлен вкусом и длительным послевкусием.

– Да, пожалуй, вы правы. Действительно прелесть!

Щеглов поднял свой стакан.

– Выпьем с вами за успех! – провозгласил он. – В самом широком смысле этого слова.

Они выпили. И в этот момент раздался стук в окно. Лесник выглянул из-за занавески и сказал успокаивающе:

– Семен это, господа. Не извольте беспокоиться.

Он пошёл открывать. Первым вошел Семен. Он снял дождевик и остался в форме пограничника. Такова была его роль: командир пограничного дозора.

– Все в порядке. На границе спокойно.

Семен присел за стол.

– Завтра утром будьте готовы. Матвейч вас отвезет до станции.

– А ты? – спросил Антон.

– Я вас встречу на дороге. Мне на заставу надо.

– Ясно!

Лесник принес третий стакан. И Щеглов разлил остатки арманьяка по стаканам.

– За что пьем? – спросил Семен.

– За успех! – сказал Антон.

– Согласен!

Они чокнулись стаканами и выпили.

– Ого! – протянул Семен. – Вот это самогон!

Щеглов посмотрел на Антона и улыбнулся уголками рта.

– Повечеришь с нами? – спросил Семена лесник.

Но тот отказался.

– В казарму пора. До завтра!

Лесник постелил им на чердаке. Антон открыл окно. Потянуло ночной прохладой. Щеглов ворочался недолго. Скоро послышалось его ровное и глубокое дыхание. Изломин же уснул не сразу. Он думал о том, что с его, Антона, помощью человек, спокойно спящий рядом, будет в лучшем случае одурачен и обведен вокруг пальца, а в худшем окажется на Лубянке, где перед ним встанет моральная дилемма: погибнуть или предать. Совесть самого Антона от этого была неспокойна.

Глава седьмая. Приглашение к вояжу

В то самое время, когда Антон, все еще испытывая муки совести, вез в Москву Щеглова, Михаил Андреевич Вишецкий по укоренившейся за последние годы привычке стоял у окна своей парижской гостиной и курил сигару. К шестидесяти годам у него осталось не так уж много пристрастий, но рюмочка выдержанного кальвадоса на ночь и ежедневная сигара после обеда обязательно входили в их число. Пуская ароматный дым, он смотрел в окно на Сену и вспоминал Петроград, каким он запомнил город в том страшном семнадцатом году.

В это непростое и тяжелое время он представлял себя качающимся на качелях от отчаяния к надежде и наоборот. Михаил Андреевич отчетливо помнил тот неудержимый страх, охвативший его, когда в дом вломились революционные матросы, от которых несло алкоголем и, что еще страшнее, смертью. В тот момент он осознал, что все, на чем стоял порядок, разрушено. И единственная возможность спастись – это бежать. Да, Вишецкий мог гордиться своей интуицией и тем, что еще до войны перевел часть своих активов в Европу. Теперь он не бедствовал, как многие другие русские эмигранты, а продолжал коммерцию даже здесь, в Париже. Вишецкий успел вовремя уехать из страны, вывез жену и мать, а вот замужняя дочь осталась в России. В двадцатом вместе с беженцами из Крыма пришло к нему известие о смерти Лары, его единственной дочери, умершей от тифа вместе со своими детьми. Зять, офицер-корниловец, погиб еще раньше. Через два года умерла мать, а в прошлом году – жена, не сумевшая оправиться от горя. Вот такую тяжелую цену пришлось заплатить его семье. И воссозданное благополучие не радовало Михаила Андреевича. Заноза, вызывающая постоянную тупую боль, засела в его сердце навсегда. Он не был сентиментальным человеком. Упорство, труд и напористость в делах всегда значили для него больше, чем христианские добродетели. Внук крестьянина, ушедшего в город и начавшего с извоза, сын торговца, он выбился в предпринимательскую элиту исключительно за счет личных качеств и известной доли везения. Человек практический, не склонный к рефлексии, он, оставшись один, почувствовал такую неизбывную тоску, что в пору хоть в петлю лезть.

Поэтому-то неожиданное известие, полученное весной этого года, кардинально поменяло до того полную безысходности ситуацию. Один из старых друзей, еще с петербургских времен, обосновавшийся с прошлого года в Праге, прислал ему письмо. Друг покинул Россию позже, уже после Гражданской войны, и был рад узнать, что Вишецкий жив и здоров. Они стали переписываться. И Михаил Андреевич поведал о своих несчастьях. В ответ друг написал, что в двадцатом году видел старшую дочь Лары – Лизу. Они встретились на небольшой станции, когда ожидали поезда. Лиза выжила после тифа и была вполне здорова. По всему выходило, что внучка Вишецкого Лиза жива и находится сейчас в России. Осталось вывезти ее за границу. Он сразу начал действовать со всей энергией. Вишецкий уже несколько лет был гражданином Франции и рассчитывал на помощь государства. Он обратился в Министерство иностранных дел, чтобы использовать дипломатические каналы. Увы, все усилия оказались безрезультатными. Франция не имела с Россией дипломатических отношений. Следовательно, и прямых контактов между странами не было. А возможности действовать через третьих лиц были слишком ограничены. Его убеждали в официальных кругах, что не все потеряно. Правительство Эррио, пришедшее к власти в мае 1924 года, намерено пойти на соглашение с СССР. В Москве откроется французское посольство. Вот тогда дипломатия сможет ему помочь. Надо немного потерпеть. Михаил Андреевич не только читал газеты, он был хорошо знаком с предпринимателями, которые желали бы торговать с Россией напрямую. Эта торговля, по их мнению, была бы взаимовыгодна обоим странам. И их позиция становилась все более весомой. Все шло к тому, что отношения действительно установятся. Но чем больше Вишецкого убеждали подождать, тем менее он был с этим согласен. Стремление вывезти внучку превратилось в навяз-

чивую идею. Ему пришла мысль попробовать решить проблему частным образом. В эмигрантской среде ходили слухи о тайных переходах границы и о счастливицах, вернувшихся оттуда. Вишецкий добился встречи с генералом Кутеповым, авторитет которого был очень высок. Тот был занят подготовкой к созданию организации, призванной объединить русское офицерство. Выслушав просьбу человека, оказывающего серьезную финансовую помощь, Кутепов пообещал свое содействие, дав, тем не менее, понять, что до конкретики дело дойдет не сразу. Не успокоившись, Михаил Андреевич продолжил поиск возможностей и вышел на человека, по отзывам о нем, способного совершить частную спасательную экспедицию в СССР. Вишецкий нашел его и сделал ему свое предложение. Именно сегодня он должен был получить ответ: возьмется этот человек за работу или нет? И встретятся они в три часа дня.

Михаил Андреевич положил потухший окурок сигары в пепельницу. Увы, он не получил обычного удовольствия от курения. Наверное, подумал он, это было связано с волнением. Оно охватывало его все сильнее и сильнее. С этим Вишецкий ничего не мог поделать. Да, в случае отказа он мог продолжить искать следующих кандидатов, но почему-то ему казалось, что другие не подойдут. Вишецкий, скрывая беспокойство, посмотрел на стенные часы: большая стрелка приближалась к двенадцати. Без двух минут три. Пора бы ему прийти. В прошлый раз он проявил пунктуальность. В это время в прихожей послышался входной звонок. Гость, которого так ждал Вишецкий, в очередной раз продемонстрировал хорошие манеры. Михаил Андреевич не стал выдерживать характер и поспешил в прихожую. Его служанка открыла дверь, пропуская гостя. Тот вежливо прикоснулся к шляпе, приветствуя девушку. В последний момент, странно оробев, Вишецкий остановился и спрятался за дверь, забыв, что в ее стекла будет виден его силуэт.

– Проходите, месье, – сказала служанка по-французски. – Хозяин ждет вас.

Гость поблагодарил и отдал ей свою шляпу.

– Здравствуйте, Михаил Андреевич, – сказал он, бегло осмотревшись и улыбаясь в густые светлые усы.

Вишецкий вышел ему навстречу и, здороваясь, крепко пожал руку.

– Проходите в мой кабинет, – сказал он гостю, показывая, куда следует идти.

– Жанна, будьте добры. Никого ко мне не пускайте.

Он плотно затворил за собой дверь и прошел к столу, попросив гостя садиться. Человека, которого он так ждал, звали Николай Владимирович Нелидов. Это был высокий и статный молодой мужчина, одетый в светлый летний костюм-тройку. Его лицо с небольшими голубыми глазами и грубоватыми, но мужественными чертами было покрыто загаром, как у человека, проводящего много времени на солнце. Щеки и подбородок были чисто выбриты. Ему исполнился тридцать один год. А вот светлые волосы над лбом уже начали редеть. Зато от всего его облика веяло силой и уверенностью. Нелидов, отпрыск знатного дворянского рода, бывший ротмистр, а ныне эмигрант, в отличие от многих своих сослуживцев по Белой армии, не опустил, не отчаялся и сохранил в полной мере свое достоинство. Костюмчик-то на нем дешевый, из магазина готового платья. А как сидит! Чувствуется порода. Еще до первой встречи, наведя о нем справки, Вишецкий понял, что именно такой человек ему и нужен. Сейчас Михаил Андреевич с тревожно бьющимся сердцем ждал от Нелидова ответа. Ему хотелось задать гостю вопрос по существу, и он изо всех сил сдерживался, напуская на себя внешнее безразличие. Бывший ротмистр понял его нетерпение и опять чуть улыбнулся в усы.

– Михаил Андреевич, – сказал он. – Не стану толочь воду в ступе и излишне заставлять вас волноваться. Я принимаю ваше предложение.

Вишецкий не смог сдержать облегченного вздоха.

– Но принимаю на своих условиях. И вот их я хотел бы обсудить.

– Я готов, Николай Владимирович, – поспешно произнес Вишецкий. – Готов увеличить сумму вознаграждения.

Нелидов едва заметно поморщился.

– Речь не об этом. Вознаграждение меня вполне устраивает. Давайте, Михаил Андреевич, поговорим о самой поездке.

– Весь во внимании, Николай Владимирович.

– Первое и неперемное условие, которое я выдвигаю – это сохранение строжайшей тайны. Вы должны молчать о нашем соглашении и терпеливо ждать от меня известий. Напоминаю, что вы не ограничили меня в сроках. Вам придется набраться терпения.

– Я понимаю, – вставил Вишецкий.

– Хорошо, пойдем дальше. Второе мое условие. Вы предоставляете мне полную свободу действий. Я же собираюсь осуществить поездку туда один. На собственный страх и риск.

– Постойте, Николай Владимирович! Напрасно вы отказываетесь от всякой помощи.

Я говорил вам, что в Москве действует хорошо законспирированная организация. У меня есть выход на ее главу, некого Якушева. Он сможет вам помочь.

– А вот от подобной помощи вы меня увольте. Я не желаю связываться с какими-то ни было союзами и организациями. Если вы будете настаивать на этом, я откажусь от вашего предложения!

– Что вы? Что вы? Я не настаиваю! Но вдруг вам действительно понадобится помощь? Разве зазорно будет попросить ее? Якушев серьезный человек. Меня заверили, что у него большие возможности.

– Мне глубоко безразличны возможности господина Якушева. Скажите, вы согласны со вторым условием? Или нет?

– Согласен! Извините меня за навязчивость в этом вопросе. Вы должны понять, что для меня вызволение внучки чрезвычайно важно!

– Понимаю и извиняю, – сказал Нелидов. – Итак, продолжим. От вас потребуется письмо для вашей внучки. Оно и станет моей верительной грамотой. Вы говорили, что она уже взрослая? Сколько ей?

– Осенью будет двадцать лет.

– Михаил Андреевич, вы отдаете себе отчет, что найти вашу внучку – это полдела? Она должна согласиться покинуть Россию. Насильно мне ее не увезти.

– Почему вы думаете, что она не захочет ехать? Я – единственный родственник, который у нее остался. Здесь у нее будет будущее, какое она пожелает. Я все устрою. А там. Что ждет ее там? Убожество и прозябание!

– Не скажите, уважаемый Михаил Андреевич. Вы прошлый раз обмолвились, что ваша внучка вступила в комсомол. Значит, она придерживается других взглядов, чем вы. Далеко не все живущие в России хотят ее покинуть.

– Я постараюсь убедить ее в письме!

– Хорошо. Но все же давайте обговорим и этот вариант. Допустим, она остается. Что тогда?

– Тогда я надеюсь, что мы восстановим с ней почтовую связь. Я буду писать ей письма. Меня заверили, что почтовая служба у большевиков работает. Девочка сможет получать письма из-за границы. Но вы обязательно должны ее найти. Обязательно!

– Я сделаю все, что будет в моих силах, – сдержанно сказал Нелидов. – Будь она живой или мертвой, я ее найду.

– А как вы думаете ее вывезти?

– У меня приготовлены два плана. Основной – тот, что предложили вы. При помощи посольства Польши. Я свяжусь с польским дипломатом. И ваша внучка получит паспорт, по которому выедет за границу. В случае, если этот план не сработает, она покинет Россию нелегально вместе со мной.

– Вы так и не сказали мне, как вы собираетесь проникнуть в Совдепию.

– И не скажу. Дело ведь идет о моей безопасности. Вам лучше не знать до тех пор, пока я не вернусь.

– Очень жаль! Я обречен находиться в неведении.

– Ну, не переживайте. Поверьте, если что-то пойдет не так, плохая весть добежит до вас быстрее, чем можете себе представить. Это в том случае, если я попадусь. Но я постараюсь не попасться. Не будь у меня такой уверенности, я бы не взялся за эту работу.

– Я тоже верю в вас, – убежденным тоном сказал Вишецкий. – Николай Владимирович, мы не обсудили наши денежные дела. Какую сумму вам будет нужно на расходы?

Он знал, что Нелидову в финансовых вопросах можно верить, как самому себе. Бывший ротмистр не был бессеребренником, но в деньгах отличался исключительной честностью.

– Мне потребуются пятнадцать тысяч долларов. Беру с запасом. Чтобы деньги остались на непредвиденные расходы.

– Но почему доллары?

– Они ликвидны. Доллары легко обменять на немецкие марки, польские злотые, даже на рубли, будь такая необходимость. И на всякий случай, пожалуйста, купите мне три-четыре маленьких алмаза. Драгоценные камни всегда в цене. Не понадобятся – верну.

– А ваше вознаграждение?

– На треть суммы выпишите чек. Я заберу его сейчас. Две трети вы передадите мне по возвращении. Это в случае удачного исхода. Но мы не можем не подумать и о том, что меня все-таки постигнет неудача. Тогда вы должны отдать мне еще одну треть. А если я не вернусь и не подам о себе весточку, вы отправите деньги на счет мадемуазель Алис Дефитер. Ее банк и номер счета я вам пришлю.

– А я вам даю слово, что выполню наши договоренности!

Они еще долго обсуждали предстоящую поездку Нелидова. Вишецкий оставлял Николая Владимировича на ужин, но тот вежливо отказался. Прощаясь, Нелидов спросил:

– Михаил Андреевич, я могу быть уверен, что вы никому ничего не скажете? Это очень важно. Даже Кутепову и прочим нашим вождям не нужно знать о том, что мы собираемся сделать.

– Не беспокойтесь. Я буду молчать.

Когда за гостем закрылась дверь, Вишецкий внезапно ощутил запоздалый укол совести. Ведь он не сказал Нелидову, что встречался с Кутеповым, и тот уже знает о его попытках найти внучку. Он какое-то время раздумывал: говорить или не говорить. И решил промолчать. Больше всего Вишецкий боялся, что Нелидов передумает ехать. Такое вполне могло случиться. Пусть лучше ротмистр ничего не узнает. В тот момент Михаилу Андреевичу казалось, что он принял правильное решение.

Нелидов, выйдя от Вишецкого, прошелся пешком по набережной. Все было решено.

В кармане лежали чеки, и оставалось одно: готовиться к поездке. Еще два месяца назад того, кто сказал бы ему, что он согласится участвовать в подобной аванюре, Нелидов послал бы подальше. Но меняются обстоятельства, а значит, меняется и отношение к ним.

Он хорошо представлял, насколько трудное дело взвалил на себя. Нелегальное путешествие в страну, из которой ротмистр Нелидов бежал вместе со всей армией четыре года назад, может завершиться его смертью. И не обязательно быстрой. Пусть сейчас он сторонится бывших однополчан и не желает связываться с политикой. Если он попадетсся карательным органам Советов, вряд ли кто станет защищать его. Смерть, которую он обманул в двадцатом, может настичь его сейчас. Нелидов все это знал. У него просто не было выбора. Вернее, был, но ему не нравился. Вишецкий обещал огромный гонорар за возвращение внучки, а ему были нужны деньги. Очень нужны. И так как воровать или грабить он не мог, не позволяла честь офицера, оставалось рискнуть своей жизнью. Да и воссоединение семьи – дело благородное. Одно время от безысходности он собирался поступить в Иностраннный легион. Теперь получа-

лось, что опасности там те же, а вот деньги другие. Он хорошо подумал и выбрал более короткое и денежное предприятие. Вояж на бывшую родину. И он сделает все необходимое, чтобы вернуться. Помочь девушке по имени Аньес. Спасти ее или умереть. Как выйдет, так и выйдет. Аминь!

Глава восьмая. Елизавета Воронова

Первое поручение, данное Антону в МОЦР, он выполнил без замечаний со стороны руководства, и явного, и тайного. До Москвы они с Щегловым добрались без приключений. И Изломин передал заграничного гостя из рук в руки Стауницу. Он выслушал благодарность от Якушева лично и через Елизавету получил ее от Демиденко. На этом его миссия завершилась. Как закончилось и проживание в квартире Вороновой. Она подыскала Антону комнату в доме на Воронцовской улице. Причем он получил на нее ордер. Сотрудничество с ОГПУ уже давало свои плоды. Правда, надолго ли он становился полноправным жителем Москвы, было неясно. Ордер можно потом и отобрать. Антон спросил об этом дядю Митю.

– Перестань валять дурака. Никто эту комнату у тебя не заберет. Живи и радуйся.

Но радоваться сам же и не дал. Они прогуливались по аллеям «Эрмитажа», где, по авторитетному мнению дяди, их нельзя было подслушать. До того парк был сильно запущен. И лишь в последний год его начали приводить в порядок. Аллеи очистили от мусора, по ним снова можно было гулять. Но в целом парк производил еще не слишком приятное впечатление. От скамеек оставались одни металлические остовы, и кустарники не были подстрижены.

Дядя сказал буквально следующее:

– С Вороновой тебе, Антон, надо быть особенно осторожным.

– Холостяку со всякой незамужней женщиной следует быть осторожным, – заметил племянник.

Дядя его веселости не поддержал.

– А с ней будь в два раза осторожнее. Знаешь, какое прозвище у нее в нашем отделе? «Змея». Так ее зовут неспроста. Она креатура Менжинского¹⁵ и усиленно делает карьеру. Бойся ее, Антоша, не то не сносить тебе головы. Из-за любой мелочи можешь погореть. Повесят ей, не тебе. Помни об этом.

– Она же еще очень молода. Когда успела так прославиться?

– Воронова из молодых да ранних. В Чека пришла в двадцатом году по комсомольскому набору. Ей тогда было всего восемнадцать. Начинала она письмоводителем, но быстро стала следователем. Очень решительная девушка. Тебе ведь не нужно говорить об Антоновщине¹⁶? Выдвинулась при ее подавлении. В следующем году Воронову перевели в Москву. Товарищи, которые с ней работали, дали ей такую характеристику: хитрая провокаторша. Холодная и мстительная.

– А почему она служит в вашем Иностранном отделе?

– Хорошо знает языки. Особенно немецкий и английский. Но и на французском говорит достаточно свободно.

– Это я уже выяснил опытным путем, – улыбнулся Антон. – Ругается она исключительно на языке Вольтера и Гюго.

– Ты, я вижу, не серьезен.

– Отчего же? Я все понял. Прямо миледи какая-то у тебя получилась.

– У этой миледи возможностей в разы больше. Даже не сравнивай!

– Спасибо, дядя Митя, за совет. Буду иметь в виду.

– Тебе она успела понравиться, – грустно заключил Столяров. – Конечно, девица она бедовая, голову при желании вскружит легко.

¹⁵ Менжинский В.Р. – партийный и государственный деятель, один из руководителей органов государственной безопасности. С 1923 года заместитель председателя ОГПУ.

¹⁶ Антоновщина – антибольшевистское крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921гг. Названо так по фамилии руководителя восстания А. Антонова.

– Пока не вскружила. Взгляды на взаимоотношения полов у нее странные.

– Ну-ну! Помни, что я сказал. Эх, сопротивлялся я ее назначению твоим куратором, да не вышло. У нас свои подковерные битвы.

Антон принял слова дяди к сведению. Он и раньше вел себя осторожно, думал над каждым шагом, куда ступить и зачем. Вороновой он не доверял, был с ней осмотрительным.

И все же Елизавета казалась ему сложнее и многограннее, чем представлялось тамбовским товарищам. Да и сам дядя не назвал ничего такого страшного, что она совершила, хотя в Иностранном отделе Воронова проработала три года. До сих пор никого не убила и не съела. Дядя Митя находится наверху, он начальник, и к нему стекается информация всякого рода. Непосредственно сам с девушкой он не взаимодействовал. Поэтому Антону предстоит разобраться самому. Змея она или нет. Но тут возникал вопрос: отчего вообще ему это важно? Вот тут дядя был прав. Елизавета привлекала его и как женщина, и как личность. Он не влюбился в нее. Нет. Но своего рода симпатию к ней испытывал.

После поездки в Псков Антон виделся с Вороновой гораздо реже. Многие мелкие поручения он теперь выполнял один, и по театрам его водить Воронова перестала. Да и жил он теперь отдельно. Это, конечно, не значило, что Антон стал полностью самостоятельным. Он продолжал отчитываться перед Вороновой и получать от нее задания.

Сейчас все в МОЦР крутилось вокруг Щеглова. Этот «гость» оказался представителем самого генерала Кутепова. От его отчета во многом зависела дальнейшая судьба организации. Вес у бывшего подполковника был большим, чем даже у Захарченко. К нему там прислушивались. Поэтому решено было Щеглова не арестовывать, а мирно переправить обратно. Чекисты нуждались в его положительном отзыве о МОЦР. Стауниц планировал провести теракт, чтобы показать «гостю» их возможности. Якушев был против. На заседании Совета он убедительно доказывал, что важно собирать и копить силы. Да и глупо привлекать внимание властей к своей деятельности. Теракты могли привести к провалу. Стауниц, напротив, настаивал на вооруженных актах. Он считал, что нужно время от времени показывать Советам зубы. И сейчас выдался удобный момент. Они так самозабвенно спорили во время заседания, что даже Воронова, при всей ее склонности к обману, была этим шокирована настолько, что поделилась своим впечатлением с Изломиным.

– Представляете, Антон, они ведь играли. Оба знали, что занимаются обманом. Какие там теракты? Имитация, только и всего! Но они спорили просто до иступления. Я подумала, что дело до драки дойдет.

– Ведь не подрались же? Вы, Лиза, говорили, что для пользы можно о морали не думать. Сами также поступаете. Разве нет?

Воронова окинула его сумрачным взглядом.

– Есть небольшая, но существенная разница, – сухо сказала она. – Я борюсь с врагами по зову сердца. И с самого начала стояла за Советскую власть. А они предатели! Предали своих и работают на врагов. Да еще так стараются. Мерзко это! Дерьмо!

Последнее словцо Елизавета по привычке отпустила по-французски.

– А со мной как? Я ведь тоже бывший враг. О чем вы неустанно мне напоминаете.

Лицо Елизаветы смягчилось.

– Я делаю так, просто, чтобы вас позлить, – более спокойно и другим тоном пояснила она.

– На самом деле так не думаю. И не думала. Вы же, служа у белых, были связаны с большевистским подпольем. Поэтому я считаю вас своим. К сожалению, у вас сохранились дворянские предрассудки. Во многом вы мыслите по-старому. Например, это ваше рыцарственное отношение к женщине. Это предрассудок. Женщина и мужчина равны во всем. К женщине надо относиться как к товарищу. Ничего. Думаю, что со временем вы избавитесь от всех предрассудков.

Антон с трудом сохранил на лице свое обычное выражение. Так ему захотелось спросить про то, как он утешал ее после нападения хулиганов. Если встать на ее точку зрения, он вместо объятий должен был отвесить ей пощечину, чтобы привести в чувство. Но Антон ничего не сказал. Была у него и своя тайна. Ни с каким подпольем связан он не был. Ему приписали то, что сделал совсем другой человек. Причем и тот помогал подполью вовсе не из любви к большевикам. Ну да ладно. Дело прошлое. А на счет предрассудков она, кажется, права. Выветрятся сами собой. И честь, и достоинство. Не ко времени они сейчас, ох, не ко времени.

С Вороновой Антон встречался у нее. Он примелькался во дворе. Считалось, что ухаживает за жилищем из девятой квартиры. И всякий раз Елизавета назначала новую встречу во время предыдущей. Точного графика у них не было. В этот раз Антон должен был прийти в 3 часа дня. На улице шел дождь. Настоящий ливень, заставивший прохожих закрыться зонтами и передвигаться почти бегом. Изломин зонта не имел. И сейчас вымок полностью, с головы до ног. Когда Елизавета открыла ему дверь, с него еще стекала вода. Она покачала головой.

– Могли бы обождать. Ни к чему быть таким пунктуальным. Я бы поняла. Немедленно идите в ванную, снимите мокрую одежду и наденьте халат.

Всю одежду Воронова развесила сушиться. В длинном купальном халате и шлепанцах на босу ногу Антон сидел на диване и пил крепкий горячий чай.

– Я вижу, вам не терпится задать вопрос, – Воронова заняла свое излюбленное место в кресле. – Валяйте!

– Хорошо. Мне не совсем понятно. Как в вас сочетается революционная непримиримость к прошлому и его предрассудкам, с одной стороны, и привязанность к комфорту – с другой?

– В этом как раз нет противоречия. Комфорт зависит от технического прогресса. При коммунизме все люди будут жить в очень комфортных условиях. На мою решимость отдать жизнь за революцию не влияет то, что я люблю принимать душ каждый день.

– Сейчас далеко не все жители нашей страны могут позволить себе каждодневное использование ванной комнаты. В деревнях их просто нет и не было. Да и в городах они встречаются очень редко.

– И что? По-вашему, я должна отказаться от удобств, раз они имеются не у всех граждан нашей страны? Зато я и рискую больше, чем они. А как вы при старом режиме пользовались этими же удобствами, тогда как крестьяне и рабочие их не имели? Вы же не предлагали свою ванную комнату им? Советская власть стремится улучшить жизнь для всех, для всего народа. Тяжело, потому что мы начинаем с самого начала. Сейчас, когда жилье стало государственным, уже часть рабочих улучшили свои условия.

– За счет богатых? Знаем.

– Да, пока за их счет. Скоро начнем строить новые дома. И квартиры получают все. Дайте срок!

– Сдаюсь! – шутливо поднял руки вверх Антон. – Положили меня на обе лопатки.

– То-то! Ладно, шутки в сторону. Сегодня вечером нам предстоит новая встреча с Якушевым.

– Там же?

– Нет. Мы встретимся в ресторане. Вам надо быть готовым к восьми часам. Ждите меня у дома. Я вас заберу. И оденьтесь соответственно.

– Новое поручение?

– Очевидно, что да. Будьте к тому готовы.

– Надеюсь, это будет не устройство теракта?

– Тогда бы вас позвал Стауниц. А вы что? Против террора?

– Я против неоправданного террора, – покривил душой Антон. Он ненавидел любой террор.

С какой бы стороны тот не был.

– От него прежде всего страдают обычные люди.

Елизавета пробуравила его своим суровым взглядом, но спросила совсем не о том:

– Чаю еще хотите?

Через час Антон, надев немного просохшую одежду, ушел от Вороновой.

Вечером, к назначенному часу Антон облачился в твидовый костюм, завязал галстук нарочно небрежным узлом и примерил шляпу вместо кепки перед зеркалом в общем коридоре.

– Ух ты! – услышал он восхищенный голос соседского мальчишки. – Настоящий буржуй.

– Сам ты буржуй, – сказал ему Антон. – Если хочешь знать, скоро так станут ходить все пролетарии. Понял?

– Врешь! Все будут ходить в шляпах?

– Чего мне врать? Вырастешь, сам увидишь.

Антон подмигнул ему и пошел к входной двери.

– Во дает! – услышал он вслед.

Ждать на улице Антону пришлось недолго. Подкатил извозчик. Воронова помахала ему с сиденья. Антон быстро вскочил в пролетку. И кучер стегнул лошадь. Елизавета нарядилась в платье, сшитое совсем недавно. От нее пахло духами. Воронова в свою очередь принялась к нему и одобрительно кивнула.

В ресторане они появились заранее и заняли столик на четверых. Якушев пришел вместе с Щегловым. Они поздоровались. Причем Лизе гость, галантно склонившись, поцеловал руку. И затем подсели за стол.

– Я смотрю, большевики вернули многое из того, что было, – оглядываясь, заметил Щеглов.

– Рестораны, частные заведения.

– Новая экономическая политика в действии, – объяснил Якушев. – Не всем она нравится, но надо отдать должное новой власти: восстановление хозяйства идет ускоренными темпами. Главным образом за счет частной инициативы и предпринимательства.

– Не значит ли это, что сейчас положение лучше, чем четыре года назад? – спросил Щеглов, просматривая меню. – Я вижу, что выбор блюд здесь внушительный.

– Поэтому я и настаиваю на особой форме переходного периода, – сказал Якушев.

Подошел официант и принял у них заказ. Пока не принесли блюда, они говорили о пустяках, а Щеглов раз за разом делал Вороновой комплименты.

Уже за десертом Якушев обратился к Изломину.

– Антон Юрьевич, у нас к вам будет небольшая просьба. Надо будет поискать кое-кого.

– В Москве?

– Нет, не только. Гораздо дальше. Вы у нас сейчас свободны и ни в чем важном не задействованы в ближайшее время. Попробуйте, голубчик, найти одну девушку.

– Ее дедушка очень беспокоится. – добавил Щеглов. – Он желал бы знать, как она? Где? Собственно, это моя просьба. В частном порядке, так сказать. Сделаете?

– Сделаю, – пообещал Антон.

– Держите, – Щеглов передал ему конверт. – Все, что о ней известно, здесь.

После ужина Якушев и Щеглов попрощались и ушли. Антон дождался счета, оплатил его и посмотрел на Елизавету.

– Пойдемте.

Уже на улице Антон, закурив, спросил:

– Что дальше?

– Почему вы спрашиваете? – удивилась Воронова.

– Потому что иначе вы не присутствовали бы при получении задания.

– Не забывайте, вы входите в мое звено. И я за вас отвечаю.

– Оставьте это, пожалуйста, – перебил ее Антон. – Лучше скажите, вы тоже будете искать? Да? Вместе со мной?

– Если понадобится, то да, – огрызнулась Воронова.

Они отпустили пролетку у начала улицы и до дома шли пешком. Елизавета споткнулась в темноте и оперлась о его руку. На лестнице Антон шел позади Вороновой и, задумавшись, столкнулся с девушкой, неожиданно остановившейся.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Нет, ничего.

Она дошла до двери квартиры, открыла замок и повернулась к Антону.

– Зайдите на минутку. Хочу кое-что сказать.

В прихожей она присела на стул и сбросила туфли.

– Закрой дверь на ключ, – попросила она, обращаясь к нему на «ты».

Антон выполнил просьбу Вороновой и спросил:

– Итак, что вы хотели мне сказать?

– Перестань притворяться. Ты все прекрасно понял.

Она встала, подошла к Антону и приподнялась на цыпочки, чтобы приблизить свое лицо к нему. Ее ставшие огромными глаза оказались совсем рядом. Также как и губы, не сжатые, как обычно, а полуоткрытые и желанные. Когда Елизавета закрыла глаза, Антон поцеловал ее. Их поцелуй вышел долгим. Он обнял ее и ощутил под руками упругое девичье тело, тесно прижавшееся к нему. Она вновь открыла глаза. И Антон ощутил, что тонет в их омуте. Тонет безвозвратно.

– Тебе вновь понадобился стул?

Этот вопрос был последним из того, что мог подсказать Антону его стремительно угасающий разум.

– Какой же ты ехидный и злопамятный дурак, – прошептала Лиза, прежде чем взять его за руку и потянуть за собой в спальню...

Глава девятая. Контрабандисты

Нелидов незаметно выглянул из-за угла и внимательно посмотрел назад. Ничего подозрительного он не заметил. Улица на окраине города в предвечерние часы была практически пустой. По ней сейчас бродили одни куры. Он был уверен, что за ним наблюдали, только исподволь, не наступая на пятки. Вариантов, по сути, немного. Либо это дефензива¹⁷, сующая свой нос в чемодан любого иностранца, либо его проверяют контрабандисты. Те самые, к кому он позавчера обратился с несколько необычной просьбой.

Встреча с ними произошла здесь, в городке Ракове, чье расположение у самой польско-советской границы немало способствовало его процветанию. По крайней мере, в многочисленных магазинчиках и лавках продавали товары, явно добытые контрабандным путем. В одном таком магазине продавец усиленно рекомендовал ему купить русские соболя. Судя по количеству пушнины, притом весьма неплохого качества, вывешенной на обозрение покупателей, хозяин имел самые тесные контакты с контрабандистами.

– А золото у вас есть? – спросил Нелидов.

– Помилуйте! Смотрите, вон его сколько!

Продавец показал на витрину прилавка, где лежали ровными рядами золотые изделия.

– Мне нужно не такое золото, – усмехнулся Нелидов и пренебрежительно махнул рукой.

– Я интересуюсь редкими вещами: перстнями, кольцами и браслетами старинной работы.

Продавец посмотрел на него с уважением и сказал:

– И такое имеется. Но не здесь. Обождите. Хозяин сам к вам выйдет.

Он дернул за шнурок. И где-то в недрах дома прозвенел колокольчик. Через минуту в магазин вошел хозяин: крепкий мужчина, одетый в косоворотку и брюки, заправленные в сапоги. Правый брючный карман сильно оттопыривался. Не иначе как от лежащего в нем револьвера. А что? Нравы в городе простые: покупатель вполне мог обернуться грабителем.

– Здравствуйте, пан! Чем интересуетесь?

Хозяин цепко ощупал глазами покупателя, явно приехавшего издалека. Одежда на нем вся заграничная и дорогая.

– Я интересуюсь антикварными золотыми изделиями, – произнес Нелидов. – Если у вас есть такие, то куплю сразу партию.

Хозяин еще раз окинул его настороженным взглядом и показал рукой на проход, закрытый портьерой:

– Прошу сюда. Сами посмотрите. Подойдет вам или нет?

Когда они оказались в еще одном зале, поменьше, заставленном большим количеством антикварной мебели, его усадили за стол. И хозяин поставил перед ним ящичек, в котором находились изделия из золота. Показал первую вещь, аккуратно выложив ее на бархатную скатерть.

– Подождите, – остановил его Нелидов. – Не хочу понапрасну тратить ваше время. Вы, милейший, верно, собираетесь мне показывать все подряд? Нет, мне нужен настоящий антиквариат. Штучный товар, понимаете? Изготовленный, по крайней мере, в прошлом веке и от известных мастеров. К примеру, Иванова или Алексеева.

Хозяин заискивающе улыбнулся:

– Пан пришел куда нужно. У меня есть несколько вещиц. Очень хороших. Очень. Сейчас, погодите.

Он заглянул в свой ящик и вынул оттуда женский браслет, украшенный мелкими драгоценными камнями.

¹⁷ Дефензива – название польской контрразведки в 1919-1939гг.

– Смотрите, пан, вот как раз изделие мастера Алексеева. Золото высокой пробы. Уникальная работа. Каково?

Браслет был хорош. Нелидов, как и подобает солидному покупателю, осмотрел его с помощью лупы в поиске тайных изъянов и сказал:

– Неплохая вещь! Я, пожалуй, ее возьму. Сколько?

– Пятнадцать тысяч злотых! – выпалил хозяин, выпучив глаза, точно удивляясь собственной щедрости.

– Помилуйте, хозяин! Я в Варшаве куплю такой за двенадцать. И ездить далеко не надо. Назовите реальную цену.

Они поторговались, как и водится между солидными людьми. Сошлись на восьми тысячах. Расплачиваясь, Нелидов положил сверху еще две. В ответ на непонимающий взгляд сказал:

– Они ваши, если сведете меня с тем, кто поставляет вам золото.

Хозяин медленно сунул руку в карман.

– Да вы не волнуйтесь, милейший! Я человек мирный и вреда вам не сделаю. Организуете мне встречу, в накладе не останетесь. Стану вашим постоянным клиентом. Пан Котицкий, помогите мне!

То, что Нелидов назвал фамилию владельца магазина, сделало того сговорчивее. Он позвал паренька, лицом похожего на него самого, и что-то тихо ему прошептал.

За следующий час Нелидов пересмотрел все товары в магазине и приобрел еще две золотых вещицы. Вернулся сын хозяина. Они снова пошептались. И Котицкий сказал Нелидову:

– Вам, пан, надо через полчаса быть на католическом кладбище. Оно на восточной окраине. Если пешком пойдете отсюда, то как раз успеете, даже с запасом. Человека, что вам нужен, зовут Корбутом. Гуляйте себе по кладбищу, он сам к вам подойдет.

Так и вышло. Корбутом оказался высокий и плечистый мужчина. Примерно такого же возраста, что и Нелидов. Он уже обзавелся тугим животом, выпирающим из пиджака городского фасона. Но маленькие совиные глазки смотрели отнюдь не сонно, а движения были уж больно проворными.

– Чего пан хотел? – спросил он немного гнусавым голосом, водя своими глазками по сторонам.

– Пан Корбут? – уточнил Нелидов.

– Ну.

– Пан хотел перейти границу.

Нелидов стоял спокойно, держа руки на виду.

– Зачем пану нужно на ту сторону? – со стылой улыбкой поинтересовался контрабандист.

– К родственникам, – получил он краткий ответ.

– И пан знает, во сколько это может ему стать?

– Не знает, но думает, что сможет заплатить за переход.

Корбут повел плечами, словно бы пиджак был ему слишком узок. И быстрым, еле уловимым движением сунул руку в боковой карман. Если он рассчитывал напугать Нелидова, то просчитался. Тот стоял, не шелохнувшись, улыбаясь в усы. Контрабандист вынул руку из кармана, в пальцах была зажата папироса.

– Только туда? – уже деловито осведомился он, закуривая.

– Сначала туда, а через месяц-другой и оттуда.

– Холера ясна! То будет стоить для пана сороковник. Половину вперед.

– Торговаться не стану! Пану Корбуту лучше знать, сколько стоит перейти на ту сторону.

И пан должен понимать: если я плачу такие деньги, все должно быть в полном порядке. Никаких осложнений. Ясно? Иначе пан Корбут сильно рискует.

– Пан собирается пугать меня?

– Нет. Хочет предупредить пана Корбута. У меня остались друзья в Варшаве. Если со мной произойдет что-то нехорошее, они будут знать, где искать. И накажут виноватых. Это те люди, что служили с Балаховичем¹⁸. Пану не надо их злить.

Корбут курил молча, что-то соображая, затем сказал:

– Не беспокойтесь, пан. Все будет в ажуре. Ваши гроши, наши хлопоты. Но треба все подготовить. Где пан остановился?

– В гостинице «При соснах». Фамилия моя Нелидов. Николай Нелидов.

– Завтра пану скажут, когда. И пусть пан знает. Свои вещи понесет на себе. Двигаться же надо будет шибко.

– Понятно!

– Добро! Пусть пан ждет.

На том позавчера они и расстались.

А сегодня Нелидов был готов к своему опасному вояжу. Для всех, особенно для полиции, пан иностранец уже уехал из Ракова, чтобы поспеть на вечерний поезд в Варшаву. Однако на вокзал привезут лишь его чемодан, который в багажном вагоне действительно прибудет в столицу Польши. А сам Нелидов, одетый как местный житель, с дорожным мешком за спиной, окольными путями шел туда, где его должен был ждать Корбут. Посыльный от него подробно рассказал, как и куда ему надо идти. Нелидов время от времени проверялся: не идет ли кто за ним. И еще раз убедился, что за ним следят, но очень осторожно. К дому он вышел уже в ранних сумерках. За соседским забором звякнула цепь. И заворчала собака. В остальном все было тихо. Нелидов подошел к палисаднику и заглянул через него. Дом, крытый кровельным железом, выглядел нежилым, а окна были темными.

– Пан Николай? – услышал он за спиной тихий голос.

– Он самый.

Нелидов оглянулся. Позади него стоял невысокий паренек в надвинутой на самые глаза кепке.

– Идите за мной, – также тихо произнес он и прошел вперед.

Калитка открылась бесшумно. Значит, петли были хорошо смазаны. По заросшему травой двору они дошли до дома. Поднялись по ступенькам на крыльцо. Провожатый открыл дверь и сказал:

– Прошу пана.

Как только Нелидов зашел в сени, дверь за его спиной закрылась. И он оказался в полной темноте. Но сразу же открыли дверь в горницу.

– Проходите, пан Нелидов, – услышал он знакомый гнусавый голос.

Ротмистр последовал приглашению и вошел в комнату, где за дощатым столом сидели двое: Корбут и парень с побитым оспой лицом, глядевший исподлобья и с прищуром. Был он чуть помоложе Корбута и очень не понравился Нелидову своими блатными повадками. По тому, как тот сидел, напряженно и одновременно держа фасон, поигрывая ножом с фигурной рукоятью, ротмистр принял его за уголовника. И не ошибся. Этого следовало опасаться в первую очередь. Нелидов осмотрелся. Помещение освещалось керосиновой лампой, стоящей в центре стола. Кроме печи в углу и лавки вдоль стены, в горнице ничего не было. Окна же закрыты плотной темной тканью. Вот почему снаружи казалось, что в доме нет света. Являлся ли дом постоянным убежищем контрабандистов или его использовали, когда чего-нибудь опасались, сказать было сложно.

Из сеней мимо Нелидова прошел еще один контрабандист и уселся на лавку. Такой же высокий и крепкий, как Корбут. В этом ротмистр не видел ничего удивительного: контрабанду

¹⁸ Булак-Балахович С.Н. (настоящая фамилия – Балахович) – участник Первой мировой и Гражданской войн. Много раз менял политическую сторону, воевал и за красных, и за белых. Прославился своей беспринципностью и жестокостью.

носят на спине. И чем больше можно принести за один раз, тем выгоднее переход. Четвертый, самый молодой среди них и, очевидно, отвечающий за слежку, остался у Нелидова за спиной. Он привалился к дверной притолоке и сунул руки в карманы.

– Приветствую пана, – по-прежнему гнусаво проговорил Корбут. – Как я понимаю, пан готов идти с нами?

– Готов, как договаривались!

– Тогда прошу пана отдать половину денег за переход.

– Держите!

Нелидов вынул из внутреннего кармана пиджака толстую пачку золотых и положил ее на стол.

Корбут быстро пересчитал деньги и, удовлетворенно кивнув, сунул себе за пазуху.

Но на этом разговор не завершился.

– Все в ажуре, – подтвердил гнусавый контрабандист.

Но Нелидов почувствовал: что-то здесь было не так. Ему не предложили сесть, оставили человека за спиной. И к чему мирным контрабандистам уголовник? Похоже, что слова о друзьях в Варшаве не слишком впечатлили Корбута. Или кого другого?

– Для начала надо бы обыскать пана. Оружия брать с собой нельзя. Коли поймают, будет другая статья. В тюрьму посадят.

– Хорошо, обыскивайте, – разрешил Нелидов.

Обыскивал его сам Корбут и ничего не нашел. Контрабандист вернулся за стол и вынул из кармана папиросу. Он явно расслабился. И зря. Оружие у Нелидова было, только лежало оно в мешке.

– Хотелось бы еще узнать, что пан несет с собой? – впервые заговорил парень с прищуром.

– Зачем пану то знать? – разыграл удивление ротмистр.

– Может, пан несет динамит? Так того не можно с собой брать.

– Нет у меня взрывчатки. Откуда ей быть? Пан, должно быть, шутит?

Однако пан не шутил. Он привстал, выставив вперед финку, и сплюнул на пол.

– Открывай мешок, пан! – прозвучал недвусмысленный приказ.

То, что происходило, прочитывалось легко. Самый выигрышный вариант: ограбить и убить иностранца прямо тут, никуда его не ведя. Их четверо, а он один, да еще без оружия. Все козыри у них. Так или почти так думали эти туповатые парни, привыкшие иметь дело с таким же отребьем. То, что среди них затесался уголовник, наверняка проливавший уже человеческую кровь, говорило лишь о том, что сами они обычно такими делами не занимались. И опыта у них не было.

Нелидов же воевал на фронте с четырнадцатого года и участвовал во множестве рейдов и боев. За эти годы он приобрел превосходные боевые навыки и умения. А служба в контрразведке добавила к ним мгновенный анализ ситуации для принятия правильного решения. Нелидову приходилось действовать в самых различных ситуациях, грозящих смертью. И взять его на испуг нечего было и думать. Вот и сейчас он легко бы управился со всеми четвермя. Правда, смогли бы они после этого перейти границу и еще вернуться – большой вопрос. Калечить контрабандистов ротмистру совсем не улыбалось. Где он возьмет других? На это нужно время.

Нелидов стал медленно снимать мешок, следя исподволь за контрабандистами. Кроме уголовника опасаться было некого. Когда он поставил мешок на пол и стал развязывать узел, все смотрели на это действие прямо-таки с детским любопытством. Паренек, что стоял позади, подошел к Нелидову совсем близко и заглядывал ему через плечо. Ротмистр резко ударил его локтем прямо в переносицу и, захватив руку, перебросил через себя. Не успел тот оказаться на полу, а контрабандисты поняли, что произошло, как Нелидов быстро нагнулся к мешку и

вытащил револьвер. Когда ротмистр собирался в дорогу, то озаботился и тем, какое оружие с собой взять. В Советской России стрелять он не предполагал, но на всякий случай решил остановиться на Веблее – британском револьвере переломного типа. Он имел хороший бой и обладал самовзводным механизмом, позволяющим стрелять, лишь нажав на спусковой крючок.

Не поднимаясь, Нелидов направил дуло на уголовника, успевшего ощериться и вскочить. Ротмистр выстрелил. И пуля, попав в грудь, отбросила того назад. Он упал на пол, повалив стул, и остался лежать без движения. Нелидов выпрямился и отошел назад к стене, так, чтобы держать троих контрабандистов под прицелом. Те были ошеломлены случившимся. Корбут сидел, открыв рот и выставив вперед руки. Здоровяк на лавке даже не шелохнулся, а третий все еще возился на полу.

– Тихо! Кто рыпнется, получит пулю! – приказал Нелидов.

Он мог их и не предупреждать. Все трое тотчас замерли. Корбут ошалело водил своими глазками, не зная, что ему предпринять.

– Но я этого не хочу. Ясно?

Они молча закивал головами.

– Слушайте, голуби, меня внимательно! Повторять не стану. Так вот. Шутить со мной не советую. Как панове видят, я плохо понимаю шутки.

Ротмистр указал дулом на лежащего без движения уголовника.

– Кто это был?

– Юрко, – нехотя сказал Корбут. – Так, знакомец мой. Он недавно с нами стал промышлять. Мы, пан, за него не отвечаем. Богом клянусь!

– Ладно, панове, он свое получил. А что с ним делать дальше, то решать вам. Но через границу вы меня переведете. Договор есть договор. Его надо выполнять. Ну а теперь, что скажет пан Корбут? Пора выходить или еще обождем?

– Нужно будет переодеться, – буркнул контрабандист.

До самой границы Нелидов, шедший вместе с Корбутом и двумя его людьми, нагруженными большими тюками, добрался без происшествий. Так же прошел и сам переход. Лес, пересекавший границу, был просто усеян схронами и тайными тропами. Неутомимые носильщики контрабанды сновали туда и сюда мимо пограничных нарядов как с одной, так и с другой стороны. Граница, проведенная по Рижскому договору в 1921 году, разделила не только территорию, но и многих родственников, живших по соседству и оказавшихся в разных государствах. Это разделение очень способствовало контрабандистам, всегда имевших возможность спрятаться у своих родичей. Нелидову не пришлось ползти или лежать в мокрой от росы траве. Он не запомнил дорогу, потому что Корбут то и дело менял направление. Подойдя к лесному оврагу, они сели под деревьями и ожидали около получаса. Убедившись, что все в порядке, Корбут спустился в овраг и пересек его. Нелидов шел вторым. Еще через час они вышли из леса, по утоптанной тропинке поднялись на пригорок. Впереди виднелись сельские дома.

– Пан может платить остаток, – сказал, отдуваясь, Корбут. – Мы уже в СССР.

Глава десятая. Отъезд из Москвы

Середина августа порадовала москвичей теплыми и солнечными днями. Однако сентябрь был уже не за горами, и наступление осени давало о себе знать. Особенно по утрам. В один из таких дней Изломин был вызван к Демиденко, заместителю начальника 6-го отделения, непосредственно разрабатывающего операцию. При всей своей занятости тот старался входить во все подробности и лично инструктировать сотрудников, участвующих в ней. С ним Антон познакомился вскоре после встречи с Пиляром. Именно перед ним и отчитывалась Воронова. Худощавый, коротко стриженный шатен, он был ненамного старше самого Изломина и, как про него говорили, обладал аналитическим умом. В Гражданскую он служил в Особом отделе сначала армии, а потом фронта. Демиденко дружил со Столяровым и к Антону отнесся хорошо. Едва познакомившись, они нашли общий язык. И даже вспомнили Туркестан.

Но во второй раз встреча вышла более прозаической и деловой.

– Ну что, Антон Юрьевич? Я вижу, вы полностью освоились в роли члена контрреволюционной организации, – сказал шутливо Демиденко, пожимая Изломину руку.

– Старался, как мог, – в тон ему ответил Антон.

– Со стороны наших товарищей к вам нареканий нет. Особенно хвалит вас Александр Александрович. И, кстати, что с работой? Я имею ввиду школу.

– Оттуда я уволился. Пока являюсь безработным.

– Ну, без работы-то мы вас, дорогой товарищ Изломин, не оставим!

Демиденко пристально посмотрел на него. И уже серьезно произнес:

– Пришла пора для полностью самостоятельных действий, Антон Юрьевич. Вы догадываетесь, о чем пойдет речь?

– О поисках внучки влиятельного эмигранта?

– О ней самой. Мы не считаем, что просьба господина Щеглова имеет какую-то важную подоплеку. Однако, возможно, это еще одна проверка. И так как мы должны исходить из худшего, то ваше задание будет заключаться в реальных поисках этой девушки.

– Понимаю. Я должен действовать частным образом.

– Совершенно верно! Как обычное частное лицо. Однако в случае необходимости вы получите нужную помощь от наших органов на местах. А потребуется, так связывайтесь непосредственно с нами. Естественно, через канал связи, который мы оговорим с вами позже. А теперь скажите, что известно о девушке?

– Совсем мало, Николай Иванович. Ее зовут Елизавета Георгиевна Крушевина. Родилась в Петербурге в 1904 году. Во время Гражданской войны жила с матерью и братом в городе Острогжске. У этого эмигранта, ее деда, в тех местах было имение.

– Острогжск, Острогжск. По-моему, есть такая станция.

– Да, небольшая. В Воронежской губернии, неподалеку от Тамбовской.

– Как фамилия деда?

– Вишецкий.

– Из дворян?

– Нет. Происхождения он скромного. Мы навели справки. Вишецкий занимался крупной торговлей. Имение в сто десятин земли он купил еще в конце прошлого века. Выстроил там усадьбу.

– Что ж, тогда начинайте отсюда. Поезжайте в этот Острогжск и попробуйте найти девушку.

– А что мне ей сказать, когда найду? Вполне возможно, что она спросит меня об этом.

– Скажите ей правду. У нее во Франции есть родной дедушка. Передайте ей привет от него. Пусть напишет ему письмо. Вы же пообещаете передать.

– А если она спросит, откуда мне это известно. Может ведь посчитать мои слова провокацией.

– Сошлитесь в таком случае на Якушева. Он часто бывает за рубежом. Вы с ним знакомы, и он вас попросил. Есть еще вопросы?

– Товарищ Демиденко! А если я ее не найду? Такое ведь тоже может быть.

– Значит, не найдете. Отрицательный результат тоже является результатом. Конечно, мы привлечем все свои возможности, чтобы помочь вам отыскать Крушевину. Но всякое может случиться. Она и замуж могла выйти, и даже умереть. Временем мы вас не ограничиваем. Пробуйте, товарищ Изломин. Пробуйте.

– Я поеду один?

– Так будет лучше всего. И вам, Антон Юрьевич, потребуется легенда, как говорят разведчики.

– Если говорить о легенде, Николай Иванович, то есть у меня одна мысль. Может быть, я займусь фольклором? Сейчас этнография стала очень популярной наукой. Насколько я знаю, многие научные работники и студенты ездят в экспедиции по губерниям, изучают устное творчество: песни, частушки, городской фольклор и все такое прочее.

– А что? Неплохо придумано! Давайте так и поступим. Станете изучать фольклор. Надо подготовить соответствующее удостоверение и командировочное предписание. Я дам указание. Как только документы будут готовы, можете выезжать. Дату начала командировки проставьте сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.